

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ ИЗ ЧЕРНОГО ЛЕСА

Яна Красная

18+

Яна Красная

Сердце ведьмы из Черного леса

«Автор»

2026

Красная Я.

Сердце ведьмы из Черного леса / Я. Красная — «Автор», 2026

Она не должна была спасать израненного городского воина. Он не должен был доверяться лесной дикарке. Но когда два совершенно разных мира сталкиваются в полумраке затерянной избушки, между ними вспыхивает страсть, способная исцелить любые раны. Вот только коварное прошлое уже идет по их следу. И теперь, чтобы защитить свою любовь, им придется пройти через огонь, предательство и жестокие испытания, которые навсегда изменят их судьбу.

© Красная Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Кровь на золоте.	5
Глава 1. Дитя Черного леса.	8
Глава 2. Стена из листьев и шипов.	15
Глава 3. Медь и сталь.	21
Глава 4. В пасти у зверя.	26
Глава 5. Ярость Черного леса.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Яна Красная

Сердце ведьмы из Черного леса

Пролог. Кровь на золоте.

Рэй Брайтвуд привык к тяжести доспехов, но в этот день они казались ему неподъемными. Металлические пластины давили на грудь, словно предчувствуя беду. Большая королевская свита уже неделю двигалась к северным границам на свадьбу кузена Его Величества. Вокруг шумели голоса придворных, звенела упряжь коней, но Рэй не терял бдительности. Он ехал по правую руку от короля Альфреда.

Мерный топот копыт убаюкивал свиту, но только не Рэя. Глядя на раскинувшуюся вокруг суровую красоту Озерного края — на вековые сосны, цеплявшиеся корнями за серые гранитные валуны, и туман, поднимавшийся от низин, — он невольно возвращался мыслями в прошлое. Вся его жизнь была соткана из преданности этой короне.

Ему было всего семь, когда багровая лихорадка, не щадившая ни бедняков, ни дворян, унесла его родителей. Рэй почти не помнил их лиц, лишь смутный образ матери, пахнувшей сушеной мятой, и тяжелую, теплую ладонь отца на своем плече. После их смерти мир маленького Рэя рухнул бы, если бы не дядя — сэр Томас Брайтвуд. Суровый, покрытый шрамами ветеран служил командором Первой когорты рыцарей тогдашнего короля. Он забрал сироту в столицу, в грохочущее, пахнущее гарью и каленым железом сердце королевского замка.

Там, среди кузнечных горнов и криков тренирующихся гвардейцев, Рэй и встретил Альфреда. Принц был ровесником Рэя, но куда более хрупким и одиноким. Дядя Томас не делал различий между королевским сыном и племянником-сиротой. Старый рыцарь гонял их до седьмого пота.

«Меч не знает, королевская в тебе кровь или крестьянская, Ваше Высочество! — гремел бывало дядя Томас, когда Альфред ронял тяжелый учебный клинок во внутреннем дворе Цитадели. — Если Брайтвуд не научит вас держать удар, в настоящем бою вас научит земляной червь!»

Они тренировались вместе с рассвета до заката. Рэй, от природы высокий и широкоплечий, быстро рос, превращаясь в настоящую каменную глыбу. Он часто принимал удары на себя, закрывая принца во время яростных учебных поединков. Их дружба ковалась в общих синяках, разбитых губах и тайных ночных вылазках на королевскую кухню за остывающим окороком. Когда они выросли, эта дружба превратилась в абсолютное, несокрушимое доверие. Рэй стал тенью Альфреда, его щитом. Три года назад в битве при Кровавом Броду, когда мятежные бароны зажали молодого короля в кольцо, именно Рэй прорубил коридор сквозь ряды врагов. Накаченный, яростный, в забрызганных кровью латах, он вынес раненого Альфреда с поля боя на собственных плечах. После той победы Альфред лично надел на него золотую цепь первого рыцаря королевства.

Из воспоминаний Рэя вырвал негромкий смех короля. Альфред придержал своего породистого вороного жеребца, поджидая друга. Высокие каменные башни замка Норт-холд — места их назначения — уже виднелись на горизонте, прорезая свинцовое северное небо.

— О чем задумался, Рэй? — спросил Альфред, поправляя богатый бархатный плащ, отороченный мехом куницы. — Лицо такое, будто ты планируешь штурмовать этот замок, а не праздновать в нем свадьбу моего кузена.

— Мне не нравится эта затея, Альфред, — честно ответил Рэй, понизив голос, чтобы его не услышали ехавшие позади лорды. — Твой кузен, герцог Болдуин, слишком долго выказывал недовольство налогами. И эта поспешная свадьба с дочерью северного графа... Здесь

соберется вся оппозиция короны. Наместники, которые спали и видели, как бы урвать кусок твоих земель. Слишком много змей в одном гнезде.

— Брось, — легкомысленно отмахнулся Альфред, хотя в его глазах на миг промелькнула усталость. — Болдуин — тщеславный дурак, но не самоубийца. Он знает, что за моей спиной стоишь ты и три тысячи верных клинков. К тому же, это праздник. Пора бы и тебе расслабиться.

Король хитро прищурился и толкнул друга локтем в тяжелый наплечник.

— Скоро и тебе найдем невесту, Рэй. Хватит тебе спать в обнимку с мечом. На балу будет младшая сестра невесты, леди Сесилия. Говорят, она прекрасна, как весенний рассвет, и поет, как соловей. Пора Брайтвудам обзавестись наследниками.

— Моя невеста — моя присяга, Ваше Величество, — с легкой улыбкой ответил Рэй. — И она чертовски ревнива, не прощает измен со светскими дамами.

Альфред громко рассмеялся, и этот чистый, искренний смех на мгновение развеял мрачные предчувствия Рэя. Рыцарь посмотрел на своего короля — молодого, полного сил правителя, которого он поклялся защищать до последнего вздоха. Если бы Рэй только знал, что этот разговор — их последний...

На вечернем привале, в огромном королевском шатре, залитом теплым светом сотен свечей, атмосфера казалась обманчиво безопасной. Слуги сновали туда-сюда, разнося дичь и дорогие вина. Альфред, уставший от долгой дороги, сидел во главе стола. Герцог Болдуин и его приближенные, встретившие свиту на полпути, рассыпались в комплиментах и пили за здоровье монарха.

Альфред поднял свой личный золотой кубок, украшенный рубинами, и посмотрел на Рэя, стоявшего неподалеку у входа.

— За твою верность, брат, — тихо, одними губами произнес король и сделал большой глоток.

Это были его последние слова.

Через минуту лицо Альфреда исказилось от нечеловеческой судороги. Золотой кубок с грохотом упал, заливая ковер багровым, пенящимся вином. Король рухнул на колени, судорожно хватаясь руками за горло, из его рта потекла темная кровь.

— Альфред! — Рэй бросился к нему, на ходу сбивая с ног ошарашенного слугу.

Его огромные, натренированные руки, способные в бою ломать вражеские щиты, сейчас беспомощно дрожали. Он упал на колени рядом с другом, прижал его обмякшее тело к своей груди. Рэй пытался разорвать плотный ворот камзола, кричал, звал лекарей, срывая голос до хрипа. Но яд был безжалостен и быстр. Альфред вцепился пальцами в латы Рэя, его глаза, полные ужаса и непонимания, остекленели, уставившись в расшитый золотом потолок шатра. Он затих.

Дверь распахнулась. Вместо лекарей в шатер ворвалась стража во главе с советником короля и герцогом Болдуином.

— Король мертв! — закричал советник, указывая дрожащим пальцем на Рэя. — Схватить Брайтвуда! Это он поднес кубок! Ни у кого больше не было доступа к королевскому вину! Изменник! Он убил Его Величество, чтобы захватить власть!

Рэй даже не потянулся к мечу. Шок от мгновенной потери брата по духу, человека, бывшего его вселенной, парализовал его разум. Его сбили с ног. Несколько стражников навалились сверху. Тяжелые кованые сапоги обрушились на его ребра, кто-то с размаху ударил его рукоятью меча по лицу. По щеке, смешиваясь с грязью, потекла теплая кровь. Его связали толстыми веревками, как бешеного пса, лишив меча, чести, веры и доброго имени.

Повезли его в тайную темницу в железной клетке, наглухо закрытой плотной тканью от чужих глаз. Ночью, когда конвой проезжал по узкой каменистой дороге мимо зловещего, чернеющего в темноте древнего леса, ярость и отчаяние вернули Рэю силы. Напрягая свои колос-

сальные, налитые свинцом мускулы, он издал утробный рык и разорвал ослабевшие от сырости путы. Одним мощным ударом плеча рыцарь выбил подгнившую деревянную дверь повозки и рухнул кубарем в темный овраг.

Вдогонку мгновенно взвизгнули стрелы стражи. Одна из них с мерзким хрустом вошла глубоко под левую лопатку. Задыхаясь от жгучей боли, со сломанными ребрами и пылающим от начинающейся лихорадки телом, Рэй бежал вглубь чащи. Вековые деревья смыкались за его спиной, поглощая крики преследователей. Сил больше не было. Ноги подкосились, и огромный рыцарь рухнул лицом в сырой, холодный мох, чувствуя, как сознание окончательно покидает его. Рэй Брайтвуд закрыл глаза, готовый принять смерть посреди этого чужого, глухого леса.

Глава 1. Дитя Черного леса.

Я родилась под истошные крики безумной толпы, улюлюканья и ругани. Моя родная мать сгорела на главной площади южного города через 2 дня после моего появления, когда я еще ничего не понимала. Её история — это незаживающий шрам на моем сердце, сотканный из чужих страшных рассказов. Мой истинный огненный цвет волос проявился у меня с первыми волосками сразу после рождения. И для темных, ослепленных суевериями горожан этого хватило. Когда повитухи принимали роды и увидели мою головку, сразу позвали стражников. Едва отрезав пуповину, несчастную, обессиленную женщину выволокли на холодный каменный пол. Её избивали ногами прямо там, в луже собственной крови, требуя назвать имя дьявола, от которого она понесла «ведмино отродье». Несколько дней её держали в сыром подземелье, подвергая изощренным пыткам: ломали пальцы, жгли каленым железом. Она почти не кричала обессиленная. Суд был скорым — сжечь на костре вместе с новорожденным младенцем, чтобы навсегда искоренить скверну.

Меня спасло чудо и безграничная любовь. Старшая сестра моей матери, моя тетушка, была уже немолодой женщиной. В ту жуткую ночь, когда инквизиторы и стражники праздновали скорое «очищение» города элем и дешевым вином, она пошла на смертельный риск. Тетушка подкупила тюремщика последним серебряным кольцом и выкрала меня из деревянных яслей за пару часов до рассвета. Вместе со своим мужем, у которого никогда не было собственных детей, они погрузили скудные пожитки на старую телегу и бежали. Бежали без оглядки, прочь из этой проклятой страны, пересекая границы под покровом темноты.

Они любили меня так сильно, как только можно любить самое дорогое сокровище на свете. И хотя я знала, что они не родили меня, в моем сердце они навсегда остались матушкой и батюшкой. Других родителей я не знала и знать не могла. Но их родительская любовь была неразрывно связана с вечным, изнуряющим страхом за мою жизнь.

Сколько я себя помню, моё утро в их доме начиналось не с веселых детских игр, а с едкого, горького запаха ореховой скорлупы, сажи и травяных отваров. Каждую неделю матушка бережно, но невероятно тщательно перекрашивала мои ярко-красные волосы и брови в глубокий, угольно-черный цвет. Её руки всегда мелко дрожали, когда она втирала эту жгучую смесь в мою кожу.

— Потерпи, моя звездочка, потерпи, Астра, — со слезами на глазах шептала она, смывая излишки темной краски. — Городские люди жестоки. Если они увидят твой истинный цвет, они отнимут тебя у нас и сделают то же, что и с ней...

Батюшка в это время обычно сидел у окна, нервно сжимая рукоять старого топора и прислушиваясь к каждому шороху за дверью. Мы пытались жить среди людей в небольшом приграничном поселении. Родители тяжело трудились: батюшка брался за любую грязную работу на лесопилке, а матушка до ночи стирала белье богатых торговцев, чтобы у нас всегда был кусок хлеба на столе. Вечерами, когда мы садились за деревянный стол при свете единственной лучины, батюшка аккуратно брал мои маленькие ладошки в свои огромные, покрытые мозолями руки, и рассказывал сказки о добрых лесных духах. Они отдавали мне последние крошки, кутали в единственное теплое одеяло во время зимних холодов и никогда, ни разу в жизни не упрекнули меня в том, что из-за меня им приходится жить как беглым преступникам.

Но судьба оказалась безжалостна. Мне было около десяти лет, когда разразилась внезапная летняя буря. Невиданный ливень застал меня на рыночной площади, куда матушка послала меня за солью. Потоки ледяной воды хлестали по лицу, одежда промокла насквозь. И смылась краска. Черная жижа потекла по моим щекам, обнажая огненные, пылающие пряди. Кто-то из торговцев закричал, тыча в меня грязным пальцем: «Ведьма! Огненное отродье!» В глазах соседей, еще вчера улыбавшихся мне, я увидела тот самый первобытный, жестокий ужас.

Батюшка, работавший неподалеку, среагировал мгновенно. Он прорвался сквозь собиравшуюся толпу, подхватил меня на руки, швырнул в телегу, и в ту же ночь мы снова бежали. Но теперь мы окончательно поняли: среди людей нам места нет.

Мы ушли в самую глубь древнего, дремучего Черного леса, туда, куда суеверные деревенские жители боялись даже нос совать. Нам было невыносимо тяжело в первые месяцы. Городские беглецы, не знавшие законов дикой чащи, обустроивали свой быт с нуля. Помню, как батюшка сбивал ладони в кровь, обтесывая бревна для нашей маленькой избушки, как плакала от усталости матушка, пытавшаяся расчистить под огород каменистую, сухую землю среди вековых корней. Наш рацион состоял из пресной каши и того, что батюшке удавалось поймать в самодельные силки. Но они не роптали. Напротив, когда крыша дома была закончена, батюшка обнял нас с матушкой у очага и тихо сказал: «Здесь нас никто не найдет. Здесь мы наконец-то дома».

А потом я подросла, и в полную силу вступила моя магия. Она не была злой или разрушительной, как малевали её в церковных книгах. Мой дар был частью этого леса, и он спас нашу семью от голода. Я научилась разговаривать с природой без слов — чувствовать, когда земля хочет пить, слышать дыхание деревьев. Стоило мне опустить ладони в наш скудный огород и мысленно попросить землю о помощи, как ростки пробивали почву за считанные часы. Я могла ускорять рост растений, удваивать урожай, лечить увядающие кусты. Картошка росла крупной, а капуста — сочной. Вода в нашем колодце благодаря моим заговорам всегда оставалась чистой, как хрусталь, и сладкой, исцеляющей от любой простуды и усталости.

Наш быт налачился и стал уютным. Батюшка сколотил прочную мебель, насушил шкур для постелей. Матушка развесила по углам пучки ароматных трав, а на подоконниках у нас всегда цвели дикие цветы. Мы жили обособленно, но очень счастливо. Я подружилась с лесными зверями. Общаться на их языке я, конечно, не могла, но они чувствовали мою энергетику и платили добром. Стоило мне ласково попросить пробегающую мимо лисицу или оленя помочь мне, как они, забавно склонив головы, уводили меня в самые потаенные уголки чащи — туда, где росли редкие лекарственные травы или прятались целые поляны сочных, съедобных грибов и ягод. Батюшке больше не нужно было часами пропадать на охоте — звери сами выводили его к старым раненым кабанам или глухарям, словно делясь добычей.

Тогда же у меня появился Зик. Я нашла его совсем молодым вороненком. Огромный коршун напал на него и сильно повредил крыло, бедняга не мог летать и обреченно ждал смерти на земле. Я отбила его, принесла в избушку, выходила, смазывая рану мазями из окопника и ромашки. Батюшка даже соорудил для него специальную жердочку у очага. Крыло зажило, но Зик так и не улетел. Он стал членом нашей семьи и моими вторыми глазами. Наш дар связал нас так крепко, что, когда Зик взмывал в небо, я могла закрыть глаза и видеть мир его глазами — бескрайнее зеленое море леса, змейки речушек и приближающихся к моим границам чужаков. Он стал моей лучшей разведкой.

Когда мне исполнилось шестнадцать, мой безопасный мир опустел. Матушка и батюшка были уже довольно пожилыми, а суровая лесная жизнь окончательно подкосила их здоровье. Сначала тихо, во сне, ушел батюшка. Матушка не смогла пережить тоски по своему любимому мужу, с которым прошла через ад, и угасла всего через полгода. Как я ни старалась, какие бы сильные заговоры ни шептала, какие бы редкие коренья ни заваривала — я не могла победить старость и суровые законы природы. Всё, что я могла — это облегчить им их последние дни, усыпляя боль лавандовым чаем и держа их за руки до самого последнего вздоха.

Их могилки находятся прямо за нашей избушкой, под защитой огромного раскидистого вяза. Я ухаживаю за ними каждый день. Посадила там целые ковры дикой фиалки и белых лилий — это были любимые цветы моей матушки. Каждое утро я прихожу туда поговорить с ними, выплакаться или просто посидеть в тишине, словно они всё еще рядом и батюшка вот-вот погладит меня по голове своей тяжелой теплой рукой.

Два года я жила в абсолютном уединении, храня верность их памяти и этому лесу, пока этот день не перевернул мою жизнь.

Лес сегодня шептался слишком громко. Столетние дубы качали своими тяжелыми, покрытыми лишайником ветвями, сердито шурша увядающей листвой. Птицы испуганно взмывали к небу, а мелкое зверье забилося в норы. Старый лес предупреждал меня о чужаке. Сверху, с ветки старой сосны, резко и тревожно каркнул Зик. Я закрыла глаза на мгновение, перенимая его зрение, и увидела с высоты птичьего полета, как между деревьями, оставляя за собой багровый след на папоротниках, ломится кто-то огромный.

Я аккуратно положила пучки дикого шалфея и поздней лаванды в плетеную корзину на плече и двинулась на запах, ступая мягко и бесшумно, как дикая кошка. Тяжелый, приторный, металлический аромат свежей человеческой крови и каленого железа становился всё отчетливее. Чужак. И он умирал на моей территории.

Мои длинные огненно-красные волосы цеплялись за колючие ветки шиповника, и я раздраженно отмахивалась от них, пробираясь сквозь густые заросли.

Я увидела его у подножия расколотого молнией дуба.

— Ого... — тихо сорвалось с моих губ, и я невольно замерла.

Он был просто огромным. Даже растянутый на земле, изломанный, покрытый грязью и запекшейся кровью, этот мужчина казался поваленной горой. Широченная спина, мощные рельефные плечи, которые отчетливо виднелись сквозь лохмотья разорванной рубахи. На нем не было доспехов, но по глубоким мозолям на его огромных ладонях я сразу поняла — это воин. Причем из тех, кто не выпускает рукоять меча годами. И сейчас он был смертельно опасен, как раненый медведь.

Из его плеча торчал обломок стрелы с черным оперением, а кожа вокруг раны уже потемнела и припухла — гангрена не заставит себя ждать, если ничего не сделать. Лихорадка сжигала его изнутри, от его тела буквально исходил жар.

Я подошла ближе, подобрала юбки и опустилась на корточки, заглядывая в его лицо. Крупные, истинно мужественные черты, волевой, упрямый подбородок, покрытый густой темной щетиной, и бледные, потрескавшиеся от жажды губы. Он тяжело, с хрипом дышал, и каждая вспышка боли заставляла его плотные брови сдвигаться к переносице.

Когда я протянула руку и коснулась его лба, чтобы проверить силу жара, он вдруг резко дернулся. Его тяжелые веки приоткрылись. На долю секунды я словно утонула в его глазах — они были серо-стальными, холодными, но сейчас в них плескалась такая жгучая, нечеловеческая боль и какая-то потерянная преданность, какую я никогда не видела у лживых людей из городов.

Он с трудом сфокусировал взгляд. Посмотрел на мои огненно-красные волосы, разметавшиеся по плечам, на мои темные, почти черные глаза, и его бледные губы зашевелились. Хриплым, едва слышным шепотом он выдохнул всего одно слово:

— Демон...

И тут же снова провалился в беспамятство, обмякнув на мху.

— Сам ты демон, громила, — буркнула я себе под нос, хотя сердце почему-то пропустило удар и забилося гораздо быстрее обычного. — Твоя удача, что ты свалился именно в моем лесу.

Я поспешно вытащила из сумки на поясе маленький флакончик с концентрированной настойкой мака и болотной мяты. Приподняв его тяжелую голову, я аккуратно влила пару капель ему в рот, заставляя сглотнуть, чтобы унять судороги лихорадки. Оставить его здесь означало обречь на съедение волкам или королевским ищейкам, которые, судя по стреле, скоро будут тут.

Но вот вопрос: как мне дотащить эту неподъемную тушу до своей скрытой избушки? Зик над моей головой издал глухой клекот, словно подгоняя. Придется призвать на помощь лесных духов и лес, хотя я страшно не любила просить природу помогать городским.

Оставлять его здесь было нельзя. Черный оперенный хвост стрелы ясно говорил о том, что за ним охотятся, и погоня наверняка прочесывает окраины. Но дотащить эту гору мышц в одиночку для меня было непосильной задачей. Я поднялась на ноги, приложила пальцы к губам и издала протяжный, вибрирующий свист, который разнесся под сводами вековых деревьев. Зик, сидевший на ветке, тут же сорвался с места и полетел вглубь чащи — созывать тех, кто всегда откликался на мой зов.

Пока лес просыпался, я не теряла времени. Сбросив корзину, побежала к старой ольхе, у подножия которой вились прочные, толстые плети дикого плюща и хмеля. Моя магия заструилась по пальцам, теплая и послушная: я попросила лозы вытянуться и стать мягче. Они поддавались мне, словно живые нити. Я быстро сплела из них крепкую, сетчатую основу для волокуш. Из сумки достала большой кусок прочной оленьей шкуры, который всегда носила с собой на случай крупного сбора трав, и расстелила поверх лоз, скрепив края кожаным шнуром. Получились простые, но надежные лесные носилки.

В кустах послышался тяжелый шорох. Между папоротников показались серые, мощные силуэты. Моя лесная стая. Четыре крупных волка — вожак с порванным ухом и три его матерых собрата — вышли на поляну. Они не рычали, их желтые глаза смотрели на меня с преданностью и легким недоумением. Волки попятились, почуяв резкий запах каленого железа и человеческой крови, но я ласково потрепала вожака по густому загривку.

— Помогите мне, хорошие мои. Нужно дотащить его до избушки, пока ищейки не вышли на след.

Используя всю свою силу и упираясь ногами в скользкий мох, я с трудом перевалила бесчувственное тело рыцаря на шкуру. Он застонал сквозь зубы, но не очнулся. Я привязала прочные канаты из хмелевых лоз к носилкам, а другие концы обмотала вокруг мощных шей волков. Натянув поводья, я пошла впереди, указывая дорогу. Могучие звери дружно налегли на веревки, и носилки с тяжелым шорохом скользнули по влажной хвое.

Дорога до дома казалась бесконечной. Каждую минуту я оборачивалась, проверяя, дышит ли этот громила. Сердце колотилось в горле: не накликала ли я на себя беду, притащив в свое убежище городского воина? Что, если за ним придут? Но страха почти не было. В таком состоянии он не то, что напасть — подняться не сможет еще очень долго. К тому же весь этот огромный, дикий Черный лес был моей крепостью. В крайнем случае, у меня в защитниках целые стаи, а если придется бежать — на своих двоих он меня ни за что не догонит.

Когда мы наконец добрались до избушки, волки, тяжело дыша, улеглись у порога. Поднять рыцаря на мою узкую деревянную кровать было даже думать нечего — я бы просто сломала себе спину. Поэтому я соорудила ему лежанку прямо на полу у очага, набросав толстый слой сухой соломы, душистого сена и застелив всё это мягкими медвежьими шкурами. Кое-как, дюйм за дюймом, я стянула его с волокуш на эту постель.

Началась самая страшная работа. Я разожгла очаг, поставила греться большой котел с ключевой водой и набросала туда горсть сушеной ромашки и коры дуба, чтобы обеззаразить раны. Первым делом я аккуратно разрежала остатки его рубахи. О боги, его тело было сплошным месивом. Огромные синяки покрывали мощную, рельефную грудь, несколько ребер явно были сломаны, а на лице запеклась корка крови. Но хуже всего было плечо. Заварив ему покрепче мак и залила прямо в горло теплый отвар, чтобы снять болевые ощущения и успокоить душу.

Лихорадочный жар от его тела ощущался даже на расстоянии. — Терпи, громила, — прошептала я, крепко прижимая его здоровое плечо коленом к полу, чтобы он не дернулся.

Я ухватила за обломок стрелы и резко потянула вверх. Рыцарь выгнулся дугой, из его груди вырвался глухой, страшный рык, но глаза не открылись. Из раны хлынула темная, зараженная кровь. Я тут же прижала к отверстию чистую ткань, пропитанную отваром календулы и подорожника. Затем взяла кованные щипцы и подержала их над огнем, чтобы они раскалились

до красна и прижала к открытой ране. Запахло паленым мясом и железом. Когда кровотечение немного утихло, я взяла костяную иглу с прочной нитью из волокон крапивы и быстрыми, точными стежками зашила рваные края раны. Руки мои дрожали, но магия внутри помогала держать пальцы твердо.

Следующие три дня превратились в настоящий кошмар. Я почти не спала. Постоянно сидела над ним на коленях, обтирая его бледный, покрытый каплями пота лоб настоями лечебных трав. Раз за разом я вливала ему в рот ложечку за ложечкой противолихорадочный отвар из коры ивы и таволги.

В горячке он постоянно бредил. Его огромное тело содрогалось от судорог, он метался по шкурам, сжимая кулаки так, что белели костяшки. Он звал кого-то. — Альфред... — хрипел он, и в его голосе было столько отчаяния, что у меня сжималось сердце. — Альфред, держись... Я не смог... Брат... Это не я... Назад!

Я не знала, кто такой этот Альфред — его погибший друг, брат или командир, но то, с какой мукой рыцарь выкрикивал это имя, заставляло меня сочувствовать ему против воли. Я прижимала прохладную мокрую тряпицу к его пылающим щекам и тихо шептала успокаивающие лесные заговоры, пока его дыхание наконец не выравнивалось.

На четвертые сутки лихорадка отступила. Его кожа приобрела здоровый оттенок, дыхание стало глубоким и ровным — он пошел на поправку.

В то утро я хлопотала у очага. Повесила котелок, чтобы сварить легкий грибной бульон, и параллельно заваривала свежий чай из зверобоя и мяты. Зик сидел на своей жердочке неподалеку. Я ласково протянула руку и почесала ворона под клювом. Зверок довольно зажмурился и тихонько щелкнул клювом, выпрашивая кусочек сушеного мяса, который я тут же ему скормила.

— Ну вот, Зик, кажется, наш гость выживет, — тихо улыбнулась я, поворачиваясь к лежанке с деревянной миской в руках.

И замерла как вкопанная.

Рыцарь не спал. Его серо-стальные глаза были открыты и смотрели на меня в упор — пронзительно, внимательно и абсолютно осознанно. По тому, каким неподвижным было его тело, я мгновенно поняла: он очнулся не сейчас. Он уже какое-то время лежал так и молча наблюдал за мной. Смотрел, как я хожу по избушке, как бережно обтирала его лицо до этого, как возилась с птицей. В его взгляде не было бредившего безумия — там была холодная настоятельность воина, оценивающего обстановку.

Миска чуть не выскочила у меня из рук. Страх, который я так долго гнала от себя, ледяной волной окатил спину. Он ведь огромный! Даже раненый, он с легкостью переломит меня пополам.

Я резко сделала шаг назад, выставила вперед свободную руку с растопыренными пальцами и постаралась придать своему голосу как можно более зловещий и уверенный тон.

— Не двигайся! — выпалила я, чувствуя, как внутри всё дрожит, но отчаянно пытаюсь скрыть испуг. — Даже не думай дергаться, городской! Я Астра — сильная и очень опасная ведьма! Мой дар велик, и, если ты сделаешь хотя бы одно неверное движение или попытаешься наброситься на меня, я... я мгновенно испепелю тебя прямо здесь! Сожгу дотла своим жарким, всепожирающим магическим пламенем! Ты и пикнуть не успеешь, как превратишься в горстку пепла!

К слову сказать, никакого огненного пламени у меня и в помине не было — моя магия умела растить капусту, лечить раны и очищать воду, но никак не призывать адский огонь. Но ему-то об этом знать точно не следовало. Мои ярко-красные волосы, растрепавшиеся по плечам, сейчас, должно быть, очень удачно дополняли мою ложь, делая меня похожей на настоящее исчадие ада.

Рыцарь молчал. Он медленно перевел взгляд с моей выставленной ладони на мои пылающие волосы, затем на Зика, который грозно расправил крылья на жердочке, и снова посмотрел мне прямо в глаза.

На его суровом, покрытом густой щетиной лице не дрогнул ни один мускул. Серо-стальные глаза рыцаря еще мгновение изучали мою выставленную ладонь, а затем его грудь судорожно дернулась, и по маленькой избушке разнесся низкий, хриплый звук.

Он рассмеялся. Это был слабый, надрывный смех человека, чье горло долгое время сушил лихорадочный жар, но в нем отчетливо слышалась горькая ирония.

— Испепелишь? — его голос прозвучал как шелест сухой листвы, глубокий и рокочущий. — Зачем же тогда тратила столько сил, опасная ведьма? Чтобы выходить меня, вылечить, а потом сжечь дотла вместе со своей избушкой? Это не имеет смысла.

Он попытался опереться на здоровый локоть, чтобы принять сидячее положение. Его огромные, рельефные мускулы на руках натянулись, как канаты, а на лбу мгновенно выступили крупные капли пота. Но стоило ему приподнять массивный торс хотя бы на пару дюймов, как из его груди вырвался резкий, задушенный стон. Лицо рыцаря мгновенно побледнело до синевы, а челюсти сжались с такой силой, что на щеках заходили желваки. Сломанные ребра отозвались острой, невыносимой болью. Мужчина потерял опору и тяжело рухнул обратно на медвежьей шкуры, шумно и прерывисто дыша.

Весь мой напускной гнев и мнимая грозность испарились в ту же секунду. Внутри меня верх взял инстинкт целительницы, который годами возвращали во мне родители. Забыв о всяком страхе, я бросила деревянную миску на стол и в два прыжка оказалась рядом с ним.

— Да куда же ты прешь, громила недоделанный! — запричитала я, падая на колени рядом с его лежанкой.

Мои руки сами потянулись к его широким плечам. Я аккуратно, но настойчиво прижала его обратно к полу, помогая огромному телу устроиться на подушке из мягкого сена.

— Тебе вообще нельзя шевелиться! — сердито выговорила я, поправляя сбившуюся под его спиной шкуру. — У тебя половина ребер в месиво превратилась, когда тебя избивали. Моя магия и лесные отвары уже запустили восстановление, кости начали срастаться, но они еще слишком хрупкие, чтобы их тревожить. Один твой дурацкий рывок — и острый обломок проткнет тебе легкое. Хочешь захлебнуться собственной кровью?

Рэй тяжело дышал, закрыв глаза. Когда боль немного утихла, он медленно опустил взгляд на свое перевязанное тело. Весь его мощный, накаченный торс, широкая грудь и левое плечо были туго и аккуратно обвязаны чистыми полосами домотканого холста, от которых исходил густой, успокаивающий аромат сушеной лаванды и мазей. Крапивные швы на ране от стрелы держались крепко, а воспаление вокруг почти спало. Похоже, он прислушался к своим внутренним ощущениям, потому что его брови удивленно взлетели вверх.

— Невероятно... — пробормотал он вслух, осторожно коснувшись пальцами повязки на плече. — Я помню эту стрелу. На ней был яд, и рана горела как в адском пламени. Обычный человек гнил бы в лихорадке недели две, если бы вообще выжил. А я чувствую, как силы возвращаются. Это твое колдовство?

— Это не колдовство, а законы природы и капля заботы, — буркнула я, стараясь не смотреть на то, каким рельефным и пугающе красивым был его торс даже под бинтами.

Я потянулась, чтобы лучше расправить край медвежьей шкуры у его шеи, как вдруг его огромная, теплая ладонь, покрытая жесткими воинскими мозолями, аккуратно, но крепко обхватила мое запястье. Его пальцы почти полностью сомкнулись вокруг моей тонкой руки.

Я замерла, перестав дышать. Сердце испуганной птицей забилося где-то в самом горле.

Рэй посмотрел на меня снизу вверх. Из его взгляда исчезла холодная настороженность воина. Сейчас его серо-стальные глаза светились глубокой, искренней, мужской признательностью.

— Спасибо тебе, — тихо, но очень весомо произнес он, слегка сжав мою ладонь. — Ты спасла мне жизнь. Я не знаю, за что судьба сжалась надо мной и привела меня в этот лес, но я твой должник.

Мои щеки в ту же секунду вспыхнули таким жарким, пунцовым румянцем, что, наверное, могли бы соперничать по цвету с моими огненными волосами. По венам разлилось странное, пугающее, но невероятно сладкое тепло. За свои восемнадцать лет я никогда в жизни не общалась с мужчинами, если не считать моего покойного батюшку. Я никогда не видела их так близко, не чувствовала их силу, их запах — пахнувший порохом, каленым железом, дождем и чистой мужской силой. На мгновение мне показалось, что я теряю сознание от этого простого прикосновения.

Испугавшись собственных мыслей и этих непонятных, штормовых чувств, которые внезапно одолели меня, я резко выдернула руку из его захвата.

— Мне нужно принести свежей воды! — выпалила я первое, что пришло в голову.

Схватив пустое деревянное ведро, я буквально вылетела из избышки на улицу, громко хлопнув тяжелой дубовой дверью.

Прохладный лесной воздух мгновенно ударил мне в лицо, но это не помогло потушить пожар на моих щеках. Я пробежала несколько шагов и прислонилась спиной к шершавому стволу огромного вяза, стоявшего возле дома. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его стук слышен на весь Черный лес. Рука, которую только что держал Рэй, всё еще горела от его тепла, и я судорожно прижала её к груди, словно пытаюсь защитить.

Вокруг расстился мой привычный, безопасный мир. Шелестели золотисто-багряные листья, Зик застрекотал на крыше, а у порога мирно дремали волки. Наш лесной быт всегда был простым и понятным: утренний сбор трав, огород, тихие вечера у очага, воспоминания о родителях, чьи могилки синели фиалками прямо за домом. Но сейчас всё изменилось. В мою тихую, уединенную жизнь ворвался этот суровый, огромный рыцарь.

Он пугал меня. Пугал своей мощью, своим прошлым, отголоски которого до сих пор заставляли его кричать во сне. Но еще больше меня пугало то, как сильно он мне понравился. Его крупные, мужественные черты лица, волевой подбородок, эти серо-стальные глаза, полные затаенной боли, и то, как нежно и уважительно он держал меня за руку, несмотря на всю свою силу. Я чувствовала, как внутри меня зарождается что-то огромное и неизведанное, отчего хотелось одновременно и плакать, и бежать без оглядки, и вернуться обратно в избышку, чтобы снова просто побыть рядом с ним.

Сделав несколько глубоких вдохов и дождавшись, пока безумный стук сердца немного утихнет, я посмотрела на ведро в своих руках. Вода сама себя не принесет, да и прятаться вечно за деревом было глупо. Настоящие ведьмы не бегают от раненых рыцарей. Сжав зубы и поправив растрепавшиеся огненные пряди, я решительно зашагала в сторону лесного ручья, пытаясь убедить себя, что полностью контролирую ситуацию. Хотя в глубине души понимала: моя жизнь больше никогда не будет прежней.

Глава 2. Стена из листьев и шипов.

Я бежала к ручью, почти не разбирая дороги, путаясь в собственных юбках и тяжело дыша. В руках болталось пустое деревянное ведро, его мерный стук о мои колени казался оглушительным в предрассветной тишине. Но еще громче в моей голове стучала кровь.

«Спасибо тебе. Ты спасла мне жизнь».

Его хриплый, глубокий голос до сих пор вибрировал где-то у меня под кожей. Я с силой потерла запястье, на котором, казалось, все еще остался невидимый отпечаток его огромной, горячей ладони. Какой же он огромный... и суровый. И то, как он смотрел на меня — не как на монстра из деревенских баек, а с такой искренней, щемящей благодарностью. Мои щеки до сих пор горели, и я сердито щипала себя за кожу, пытаюсь прийти в себя. Вся моя хваленая ведьминская независимость, взлелеянная годами одиночества, рассыпалась от одного прикосновения раненого мужчины.

Я была настолько поглощена этими новыми, пугающими мыслями, что совершила самую непростительную ошибку для лесной жительницы: я перестала слушать.

Я не замечала, как тревожно замерли кусты папоротника, обычно ласково тянувшиеся к моим ногам. Я не услышала, как смолкли цикады в высокой траве, и как испуганно затрепетали листья старой ольхи у самой воды. Лес кричал мне об опасности, но я была слепа и глуха.

Опустившись на колени у каменистого берега, я погрузила ведро в хрустальную, ледяную воду. Горный ручей весело зажурчал, заполняя деревянную емкость. Я зачерпнула пригоршню воды, прижимая её к пылающему лицу, и тяжело вздохнула, пытаюсь собрать мысли в кучу.

И тут до меня донеслось *это*.

Далекий, но ни с чем не сравнимый, залиvistый и яростный лай своры охотничьих собак. Кровь мгновенно застыла в моих венах, а сердце пропустило удар. Это были не деревенские шавки, отслеживающие зайца. Это был тяжелый, слаженный лай обученных королевских ищеек. Охотники. Они шли по его следу. И они были пугающе близко.

Страх ледяными когтями впился в грудь, мгновенно выметая из головы всю романтическую дурь. Я резко поднялась, расплескав половину воды. Времени не было. Если они найдут ведро у ручья, то поймут, что рядом жилье. Я с силой толкнула тяжелое ведро в густые, колючие заросли ежевики, пряча его от чужих глаз, и бросилась обратно к избушке.

Под подошвами моих сапог хрустели ветки. Я бежала так быстро, как только могла, мысленно раскрывая свое сознание навстречу лесу.

«Пожалуйста, хорошие мои, помогите!» — отчаянно зывала я к лесной чаще, посылая мысленный импульс во все стороны. — *Волки, лисы, уведите собак! Запутайте след, утяните их к тоням, дайте мне время!»*

Где-то в глубине леса отозвался утробный рык моей волчьей стаи. Звери поняли меня. Я знала, что они сделают всё возможное, чтобы сбить ищеек с толку, но королевские гончие были упрямы. Мне нужно было скрыть сам дом. Скрыть так, чтобы даже самый зоркий следственный пес не почуял человеческого тепла.

Я ворвалась в избушку, тяжело дыша и с размаху захлопнув за собой дубовую дверь на тяжелый засов.

— Они здесь, — выдохнула я, дико озираясь по сторонам.

Рэй мгновенно подобрался на своей лежанке. Его серо-стальные глаза сузились, а челюсти сжались. Он попытался приподняться, но я даже не посмотрела в его сторону — я начала судорожно метаться по комнате. Мой быт, такой уютный и привычный, сейчас казался уликой. Я хватала с подоконников глиняные плошки, сдергивала с веревок сушащиеся пучки лаванды и шалфея, швыряла их в лари. Выбежала на задний двор, схватила сушащиеся простыни и

ведра, заталкивая всё внутрь дома. Ничто снаружи не должно было говорить о том, что здесь живут люди.

Вернувшись в комнату, я встала в самый центр, прямо перед очагом. Зик тревожно захлопал крыльями на своей жердочке, чувствуя мою панику. Я глубоко вздохнула, закрыла глаза и опустила ладони к деревянному полу, пропуская свою магию сквозь доски, прямо в глубокие, сырые корни Черного леса.

— Закрой меня, — прошептала я, чувствуя, как внутри меня закипает древняя, зеленая сила природы. — Спрячь мой дом от злых глаз. Стань стеной.

Снаружи раздался глухой, зловещий рокот, словно сама земля пришла в движение. Через щели в ставнях я видела, как вековые дубы и сосны, росшие вокруг поляны, начали медленно, но, верно, наклоняться друг к другу. Их тяжелые, покрытые лишайником ветви переплетались со страшным скрипом, образуя плотный, непробиваемый купол прямо над крышей избушки.

Дикий хмель, колючий шиповник и плющ, дремавшие у подножия деревьев, рванули вверх с невиданной скоростью. Толстые, как змеи, лозы с мясистыми листьями начали стремительно оплетать бревенчатые стены дома, затягивая окна, двери, крышу. Они смыкались живой, плотной стеной, слой за слоем. В избушке стремительно темнело. Последний лучик солнца пробился сквозь закрывающиеся ставни и исчез. Мы погрузились в густой, зеленоватый полумрак, освещаемый лишь тлеющими угольками в очаге. Снаружи дом теперь выглядел как обычный, заросший мхом холм или непроходимая чаща бурелома, мимо которой можно было пройти в двух шагах и ничего не заметить. Даже запах человеческого жилья теперь надежно блокировался плотным ковром из пахучей хвои и диких трав.

Ослабев от такого резкого всплеска магии, я тяжело опустилась на колени прямо там, где стояла, упираясь ладонями в пол. Лоб был мокрым от пота, сердце все еще колотилось, но дыхание постепенно выравнивалось. Мы были в безопасности. По крайней мере, на какое-то время.

Из темноты угла раздался тихий шорох. Я подняла голову и встретила взглядом с рыцарем.

Он уже сидел на лежанке, тяжело опершись спиной о стену. Он внимательно наблюдал за каждым моим движением. В его глазах, приученных к блеску стали и открытому бою, сейчас читалось невероятное изумление перед той силой, которую я только что явила. Но вместе с изумлением на его суровом лице проступила глубокая, горькая тень.

Он смотрел на свои огромные, бесполезные сейчас руки, на перевязанную грудь, и его плечи судорожно дернулись от глухой ярости на самого себя.

— Проклятье — тихо, сквозь зубы процедил он, и в его голосе было столько неподдельного стыда, что мне стало не по себе. — Беда пришла из-за меня. Это мои враги идут по лесу. А ты... ты выбиваешься из сил, защищаешь свой дом, крутишься здесь одна, пока я лежу тут как дохлый пес, не способный даже меч поднять.

Он с силой ударил здоровым кулаком по полу, так что зазвенели стоящие неподалеку глиняные горшки.

— Я должен стоять между тобой и опасностью. Это моя обязанность — защищать. А вместо этого я прячусь за твоими юбками. Храни меня небо, какой же я бесполезный...

Время тянулось невыносимо медленно, превращая каждую минуту в вечность. Снаружи, за плотной стеной сплетенных лоз и вековых корней, бушевала невидимая нам охота. До моих ушей то и дело доносился приглушенный, яростный лай собак и тяжелый топот кованых сапог по мокрому мху. Ищейки кружили вокруг нашей поляны, топтались буквально в нескольких шагах от избушки. Собаки чуяли, что след обрывается именно здесь, они путались, скулили от злости и царапали когтями живой щит из плюща, но магия природы надежно хранила наш покой.

Весь этот кошмар продолжался несколько долгих, мучительных часов.

Я от страха сжалась в крошечный кулачок прямо на полу возле остывающего камина. Подтянув колени к подбородку и крепко обхватив их руками, я уткнулась лицом в колени. Мои огненные волосы упали вперед, закрывая меня от всего мира, словно щит. Зубы мелко стучали от ужаса, а пальцы судорожно сжимали ткань юбки. Я замерла, боясь сделать даже вдох, боясь издать малейший шорох. И больше всего на свете я боялась поднять голову и посмотреть на раненого воина в углу.

В моей голове царил хаос. Кто он такой? Кого он звал в бреду? Что натворил этот огромный человек, раз ради его поимки королевские солдаты забрели в самые жуткие глубины Черного леса? Мы ведь даже не знали имен друг друга. Для него я была просто «ведьмой» и «демоном», а он для меня — «суровым громилой». И ради этого безымянного чужака я сейчас рисковала всем, что у меня было.

Рэю было невыносимо тяжело наблюдать за этой картиной. Огромный, закаленный во множестве кровавых сражений мужчина, который привык решать любые проблемы ударом меча, сейчас чувствовал себя абсолютно беспомощным. Он сидел неподвижно, боясь издать хоть какой-то звук, который выдал бы нас. Но его серо-стальные глаза, устремленные на мой дрожащий силуэт у камина, были полны жгучей боли и глухого отчаяния. Ему хотелось разорвать эти повязки, встать, закрыть меня своей широкой спиной от любой опасности. Видеть, как молодая, хрупкая девушка, спасая ему жизнь, буквально ломается от страха из-за *его* врагов, для его рыцарской чести было худшей пыткой из всех возможных.

Только поздно вечером, когда сумерки окончательно сгустились над лесом, а голоса преследователей начали понемногу отдаляться, я поняла: они не уйдут, пока не потеряют надежду. Нам нужен был финальный удар.

Напрягая самые последние, скрытые резервы своих сил, я подняла отяжелевшие руки вверх. Мои губы зашевелились, выталкивая хриплые, едва слышные слова древнего заклинания. Я обратилась к небу.

Черный лес ответил мгновенно. Где-то высоко над нами глухо прогремел первый раскат грома. Небо затянуло тяжелыми, чернильными тучами, и на кроны деревьев обрушился яростный, стеной льющий ливень. Лес содрогался от шквалистого ветра и вспышек молний. Этот мощный ливень должен был окончательно прогнать испуганных чужаков из чащи, а главное — навсегда смыть любые остатки запахов и багровые следы крови с папоротников.

Когда заклинание завершилось, силы окончательно покинули меня. Руки безвольно упали на пол. Я была опустошена до самого дна, магия выпила меня без остатка. Прямо там, у совершенно холодного, потухшего очага, я погрузилась в тяжелый, беспамятный сон. Вся бледная, хрупкая, замерзшая от пронизывающего ночного сквозняка, я свернулась калачиком на голых досках.

Рэй долго всматривался в темноту, слушая мое неровное, слабое дыхание. Он понимал, что, если оставит меня так на всю ночь, я просто заболею. Сцепив зубы от дикой, пронзающей правый бок боли, рыцарь медленно, дюйм за дюймом, пополз по полу. Каждое движение отзывалось хрустом в сломанных ребрах, лицо его покрылось испариной, но он упорно двигался вперед, волоча за собой тяжелую медвежью шкуру, на которой лежал.

Превозмогая боль, он подобрался ко мне со спины. Его огромные, теплые руки осторожно, но уверенно обхватили мое замерзшее тело. Рэй аккуратно перекатил меня ближе к себе, накрыл нас обеих плотной, согревающей меховой шкурой и прижал к своей мощной груди. Его тело источало невероятный, почти спасительный жар. Завернувшись вместе со мной в этот импровизированный кокон, огромный рыцарь уткнулся подбородком в мои растрепанные красные волосы и, наконец, позволил себе закрыть глаза. В его объятиях я мгновенно перестала дрожать, неосознанно потянувшись навстречу этому теплу.

Утро встретило нас тишиной. Гроза утихла, оставив после себя лишь мерный стук тяжелых капель, падавших с листьев на крышу. Лозы снаружи немного разомкнулись, пропуская в избушку мягкий серый свет рассвета.

Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Мне было так тепло, уютно и спокойно, как не было уже очень давно, с тех самых пор, как ушли родители. Но стоило мне попытаться пошевелиться, как я уперлась ладонями во что-то твердое, широкое и горячее.

Над моей головой раздалось тихое, сонное сопение.

Я резко вскинула голову и обомлела. Я лежала, намертво зажатая в кольце огромных, мускулистых мужских рук. Мое лицо находилось всего в паре дюймов от его крепкой шеи, а повязки на его груди мерно поднимались и опускались прямо перед моими глазами. Мы были завернуты в одну шкуру, и его массивное тело полностью укрывало меня от утренней прохлады.

Паника и смущение взорвались внутри меня лавиной. Мои щеки в ту же секунду вспыхнули пунцовым пожаром. Я судорожно дернулась, пытаясь вырваться из его захвата, из-за чего Рэй мгновенно проснулся. Его серо-стальные глаза распахнулись, вмиг став осмысленными и настороженными.

— Пусти! — вскрикнула я, растерянно барахтаясь в шкурах и наконец выкатываясь из его объятий на холодный пол. — Что ты себе позволяешь, городской?! Как ты посмел?!

Я вскочила на ноги, тяжело дыша и судорожно поправляя измятое платье. Мои огненные волосы разметались по плечам, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я страшно разнервничалась, голос мой дрожал от возмущения, а пальцы мелко подрагивали.

Но в глубине души, за этой стеной напускного гнева и девичьего испуга, пряталось совсем другое, пугающее чувство. Мне... мне безумно понравилось быть в его объятиях. Это ощущение абсолютной безопасности, исходящее от него тепло и то, как бережно эта гора мышц прижимала меня к себе всю ночь, оставило в моем сердце глубокий, сладкий след. И именно то, что мне это понравилось, пугало меня сильнее любых королевских ищек.

Рэй медленно приподнялся на локте, поморщившись от боли в ребрах, и посмотрел на меня. В его взгляде не было насмешки — лишь спокойное, мягкое понимание.

— Прости, — негромко, но твердо сказал он, не сводя с меня глаз. — Ты замерзла на полу после того, как спасла нас этой грозой. Я не мог оставить тебя так. Я лишь хотел согреть тебя, Астра.

Я замерла на месте, услышав свое имя из его уст.

— Ты... откуда ты знаешь, как меня зовут? — растерянно спросила я, забыв про свой гнев.

— Ты сама назвала имя, когда угрожала мне вчера своим «магическим пламенем», — на его губах появилась едва заметная, теплая улыбка. — А вот мое имя ты спросить забыла. Я — Рэй. Рэй Брайтвуд. И теперь, когда мы пережили эту ночь, я думаю, нам пора поговорить серьезно, Астра.

Я сделала глубокий вдох, заставляя бушующие внутри эмоции утихнуть. Его спокойное, мужественное лицо и этот ровный, честный голос действовали странно умиротворяюще. Пожар на моих щеках постепенно угас, уступая место обычному человеческому чувству — сильному голоду. Вчера во всей этой суматохе с погоней, маскировкой дома и вызовом грозы мы так и не съели ни крошки. Мой желудок предательски заурчал на всю избушку.

— Хорошо, Рэй Брайтвуд, — я постаралась вернуть голосу деловой тон, хотя руки все еще немного подрагивали. — Давай поговорим. Но сначала я приготовлю завтрак, иначе мы оба умрем от голода раньше, чем доберемся до сути. Тебе по-прежнему нельзя вставать, так что лежи.

Я принялась хлопотать у стола, стараясь занять руки работой. Быстро нарезала сочные лесные овощи в глиняную миску, заправив их ароматным маслом на травах. Нарезала толстые

ломти свежего пышного хлеба, который испекла еще два дня назад, и щедро выложила сверху тонкие пласты вяленого кабаньего мяса — батюшка при жизни научил меня правильно сушить и солить его, чтобы оно хранилось месяцами. В котелке над углями закипел свежий, пахучий чай из листьев малины, чабреца и зверобоя. По комнате разлился уютный, домашний аромат, который окончательно прогнал остатки ночного ужаса.

Рэй молча наблюдал за мной, а когда я повернулась к нему, он глубоко вздохнул и начал свой рассказ.

Я аккуратно поставила всю еду и горячий чай на большой деревянный поднос и подошла к его лежанке. Опустившись на колени рядом с ним, я поставила поднос на пол. В зеленоватом полумраке нашей скрытой от мира комнаты его серо-стальные глаза казались совсем темными, полными невысказанного горя.

Он говорил долго, и с каждым его словом воздух в нашей полутемной избушке, окутанной плотной стеной лоз, становился всё тяжелее. Рэй рассказал мне всё. О том, как в детстве потерял родителей и как его взял на воспитание дядя-оружейник. О мальчишке-принце Альфреде, который стал ему не просто сувереном, а названным братом. Они делили один хлеб, вместе проливали кровь на тренировках и прикрывали друг другу спины в настоящих, страшных боях. Рэй говорил о преданности, о золотой рыцарской цепи, о том, как сильно он любил своего короля.

— Мы ехали на свадьбу его кузена, — глухо рокотал его голос в полумраке, и я видела, как на его волевом лице проступают тени страшной муки. — Я предупреждал его, что вокруг слишком много змей. Но он лишь рассмеялся... поднял золотой кубок за мою верность. Сделал глоток. И умер у меня на руках, Астра. Яд. Он сжигал его изнутри, а я... я, первый рыцарь королевства, его щит, ничем не смог ему помочь. Мои руки годятся только для того, чтобы ломать чужие кости, но они оказались бесполезны, когда мой брат умирал.

Я замерла со скрещенными на груди руками, слушая его. Моё сердце болезненно сжалось. Я, выросшая в безумной родительской любви, слишком хорошо понимала, каково это — терять тех, кто составлял весь твой мир. Но у меня родители ушли от старости, на моих руках, окруженные заботой. А у Рэя его мир вырвали с корнем, жестоко и внезапно.

— А потом ворвалась стража, — продолжил Рэй, и его кулаки сжались с такой силой, что побелели костяшки. — Советник и герцог Болдуин обвинили во всем меня. Сказали, что это я отравил короля, чтобы захватить власть. Меня избили, связали как пса и повезли на казнь. Я вырвался ночью, у самого Черного леса. Получил стрелу в спину, бежал, пока не упал без чувств во мху. Там, где ты меня и нашла.

В избушке повисла тяжелая, звенящая тишина. Я смотрела на этого огромного, изломанного воина и чувствовала, как внутри меня поднимается огромная волна жалости и сострадания. Его предали те, кому он служил. Его лишили имени, чести, обвинили в убийстве единственного друга. Это было так несправедливо, так чудовищно похоже на то, как когда-то люди поступили с моей родной матерью и с моей семьей. Городские люди снова принесли в мир боль и ложь.

Мне невыносимо захотелось его утешить. Унять эту нечеловеческую бурю, которая бушевала в его душе. Я невольно вспомнила свое детство. Вспомнила, как мне бывало страшно и грустно после очередного побега, как я плакала по ночам, боясь, что нас найдут. Тогда матушка или батюшка всегда садились рядом со мной. Батюшка опускал свою тяжелую, теплую ладонь мне на голову, нежно гладил по моим огненным волосам и тихим, уверенным голосом говорил: *«Всё обязательно наладится, моя звездочка. Помни, за самой темной, черной полосой в жизни всегда идет белая — удачная, светлая полоса событий. Главное — выстоять»*. Эти слова всегда спасали меня.

И я решила сделать так же для него.

Подавшись вперед, я робко протянула свою тонкую руку и аккуратно положила ладонь на его коротко стриженную голову. Я мягко, едва ощутимо провела пальцами по его волосам, пытаюсь передать ему всё то тепло и покой, которыми меня когда-то лечили родители.

— Всё обязательно наладится, Рэй, — тихо, почти шепотом произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — Мой батюшка всегда говорил, что за черной полосой всегда идет белая. Ты выжил. Лес принял тебя. Ты не один.

Рэй замер от моего прикосновения. А в следующее мгновение его здоровая правая рука взметнулась вверх и мягко, но непреклонно перехватила мое запястье, останавливая движение. Прежде чем я успела испугаться или что-то понять, он слегка потянул меня на себя.

Из-за сломанных ребер он не мог сделать резких движений, но его силы хватило, чтобы я потеряла равновесие и послушно соскользнула прямо к нему на шкуры. Рэй осторожно, но крепко прижал меня к своему широкому, горячему боку, заключая в объятия своей огромной руки.

— Астра... — выдохнул он мне куда-то в макушку, и его грудная клетка мощно вздрогнула. — Ты даже не представляешь, как я рад, что встретил тебя. Какое это чудо, что я упал именно здесь. Я так благодарен тебе за всё... за спасение, за эти слова, за то, что ты не прогнала меня. Клянусь тебе своей честью, которой меня лишили, клянусь небом — я обязательно отплачу тебе сполна за всё, что ты для меня сделала. Я защищу тебя от всего мира, если потребуется.

Моё сердце снова пустилось вскачь, совершая сумасшедшие кульбиты. Я вся сжалась, затаив дыхание, руки уперлись в его крепкую грудь, а дыхание перехватило от волнения. Мысли путались, тело сковал сладкий, трепетный страх. По всем правилам, мне стоило бы сейчас возмутиться, закричать, снова пригрозить ему мнимым ведьминским пламенем и вырваться из этих слишком смелых объятий.

Но я не стала вырываться.

Я осталась лежать, уткнувшись носом в его плечо, вдыхая его запах и чувствуя, как его мерное, сильное сердце бьется в один такт с моим. Мне это безумно нравилось. Рядом с этим суровым рыцарем, в кольце его надежных рук, я впервые за два года после смерти родителей почувствовала себя не одинокой, загнанной в угол ведьмой, а кем-то, о ком хотят заботиться. И в этом полумраке, под шум капель за стеной, мы просто лежали вместе, разделяя один теплый миг на двоих.

Глава 3. Медь и сталь.

Следующие две недели пролетели для меня как в каком-то странном, полузабытом сне, где привычный мир Черного леса смешался с запахом железа, мужского пота и неведомого мне ранее трепета.

Я лечила Рэя с особым рвением. Каждый день я заваривала для него самые сильные восстанавливающие отвары, собирала на дальних полянах сочные листья целебного окопника, растирала его мощную грудь мазями из барсучьего жира и дикого имбиря. Моя магия природы, казалось, сама радовалась этому гостю — она струилась по моим венам горячими, покалывающими волнами каждый раз, когда я касалась его кожи. Скорость, с которой этот человек возвращался к жизни, поражала. Его колоссальный, с детства закаленный организм впитывал силу леса, как иссушенная земля впитывает весенний дождь.

Уже через неделю Рэй смог уверенно подняться на ноги. Впервые встав в полный рост посреди моей крошечной избушки, он едва не задел головой потолочные балки. Он казался еще огромнее, чем распластанный на шкурах.

Он категорически отказывался просто сидеть без дела. Несмотря на мои строгие запреты, ворчание и угрозы «обратить его в лягушку», Рэй начал понемногу помогать мне по хозяйству. Конечно, я строго-настрого запретила ему делать резкие движения и поднимать тяжести, карауля каждый его шаг. Но он находил себе занятия: аккуратно подметал пол самодельным веником, чистил деревянную посуду, помогал мне перебирать и сортировать сушеные травы на столе.

Когда наши пальцы случайно сталкивались над пучком сушеной мяты, меня словно прошибал электрический разряд, и я поспешно отдергивала руку, пряча глаза.

А еще он начал тренироваться. Каждый день на рассвете, когда туман еще плотным белым одеялом лежал на траве, Рэй выходил на поляну перед домом. Я тайно наблюдала за ним из окна, притаившись за занавеской из сушеных лоз, и в эти минуты у меня буквально перехватывало дыхание. Он разминал мышцы, медленно и плавно потягивался, заставляя свой могучий торс работать. Рэй нашел в лесу длинную, тяжелую дубовую ветку, очистил её от коры и использовал вместо меча.

О, как я им восхищалась! Я смотрела, как перекачиваются под загорелой кожей рельефные мускулы на его широкой спине, как четко прорисовываются кубики пресса, когда он делал плавные выпады. В его движениях, даже сдерживаемых болью в заживающих ребрах, была невероятная, завораживающая грация хищника. Опасного, сильного и безумно красивого. Моё сердце устраивало настоящую чечетку в груди, когда я смотрела на него. Конечно, я и виду не подавала, что он мне нравится. Я выходила на порог с самым нахмуренным и безразличным лицом, какое только могла изобразить, но, видит небо, это было бесполезно — Зик на крыше то и дело ехидно пощелкивал клювом, словно насмехаясь над моей конспирацией.

Сам Рэй, кажется, всё прекрасно замечал. В его серо-стальных глазах всё чаще появлялась теплая, лукавая искра. Он то и дело проявлял ко мне знаки внимания, от которых у меня земля уходила из-под ног. То он, проходя мимо, аккуратно поправит выбившийся огненный локон у меня за ухом, обдав меня своим спасительным теплом. То, заметив, что я несу тяжелую корзину с огорода, мягко заберет её из моих рук, несмотря на мои протесты, и скажет своим низким, бархатным голосом: *«Ведьмам негоже таскать тяжести, Астра. Оставь это своему рыцарю»*.

Каждый раз я страшно стеснялась. Лицо моё заливал пунцовый румянец, я теряла дар речи, пугалась этих незнакомых, штормовых чувств и трусливо сбегала. — Тоже мне, рыцарь без страха и упрека! — отшучивалась я на ходу, пятясь к двери. — Лучше иди проверь, не

съел ли ты мою заначку вяленого мяса, а то с твоим аппетитом мне скоро придется кормить тебя одной корой дуба!

Я изо всех сил пыталась убедить себя, что он мне не нравится. Ну как мне, лесной дикарке, ведьме, может нравиться городской гвардеец? У него за плечами битвы, короли, политика, а у меня — капуста и говорящие вороны. Это глупо, неправильно и опасно. Но моё глупое сердце отказывалось слушать доводы разума.

Моим единственным спасением от этого сладкого наваждения был сам лес. Когда смущение внутри становилось невыносимым, я уходила глубоко в чащу, туда, где природа дышала первозданным покоем. Осень в Черном лесу была уже подходила к концу: деревья оделись в золото и багрянец, под ногами шуршал мягкий ковер из опавших листьев, а воздух пах сыростью, грибами и спелой брусникой.

Здесь моё колдовство раскрывалось на полную силу. Я опускалась на колени у поваленного ствола старой березы, закрывала глаза и тихонько напевала лесную песню, которую когда-то пела мне матушка. И чаща отзывалась. Из-за кустов папоротника робко показывались лесные жители. Маленькие рыжие белки с пушистыми хвостами бесстрашно прыгали ко мне прямо на плечи, щекоча уши своими усиками. Я протягивала ладонь, и они с удовольствием забирали из моих пальцев кедровые орешки.

Чуть поодаль из зарослей шиповника выходила старая косуля с бархатными, грустными глазами. Она доверчиво подставляла свою теплую морду под мои руки, и я гладила её, шепча лесные заговоры, защищающие зверей от капканов. Звери были моей семьей. Я ласково просила их: *«Помогите, маленькие мои. Найдите мне корни дикого девясила для нашего гостя»*. И белки, забавно цокая, тут же мчались по веткам вперед, указывая мне путь к нужной полянке, а косуля мягко подталкивала меня носом, словно ободряя.

С неба камнем падал Зик, с громким карканьем усаживаясь на мое запястье. Его черные глаза-бусины смотрели внимательно. Я закрывала глаза, сливаясь с его сознанием, и взмывала над кронами деревьев. Я видела Черный лес с высоты птичьего полета — бескрайний, величественный, надежно укрывающий мою избушку. Вокруг на мили не было ни одной живой души, королевские ищейки ушли далеко на юг, потеряв след. Мы были в безопасности.

Но возвращаясь вечером домой, неся в корзине новые травы и грибы, я издали видела тонкий штрих дыма над крышей нашей избушки. Рэй всегда ждал меня. Он разжигал очаг, согревал воду и встречал меня у порога своей неизменной, мягкой улыбкой. И глядя на его широкие плечи в дверном проеме, я с замиранием сердца понимала: черная полоса в моей жизни действительно закончилась. Но смогу ли я удержать эту белую полосу, когда он окончательно выздоровеет?

Осень неумолимо сдавала свои позиции. Воздух в Черном лесу сделался прозрачным, колким и холодным, а по утрам трава вокруг нашей поляны покрывалась хрупкой серебряной коркой инея. Зимы в наших краях редко бывали по-настоящему суровыми, но затяжными и сырыми — то и дело налетал шквалистый ветер, с неба крупной сыпал первый колючий снег, а ночами температура могла резко упасть до минус пятнадцати градусов.

Для меня наступила пора активных приготовлений к холодам. Наш лесной быт заиграл новыми красками. Рэй к этому времени окреп настолько, что его ребра почти перестали ныть при нагрузках. Наша подготовка напоминала сложенный танец: я утепляла избушку изнутри, затыкая щели между бревнами ароматным сухим мхом и вываривая восковые свечи, а Рэй взял на себя всю тяжелую работу снаружи. Он колол дрова. О, как он их колол! По всей поляне разносился сочный, уверенный хруст раскалываемых пополам дубовых поленьев. Я то и дело замирала на пороге, залюбовавшись тем, как пар струится от его разгоряченной спины, когда он одним точным ударом тяжелого колуна разносил в щепки очередной пень.

Но чем ближе были заморозки и чем сильнее окреп Рэй, тем тяжелее становилось у меня на душе. По ночам, когда в очаге тихо трещали поленья, меня накрывал первобытный, удушающий страх.

Я до ужаса боялась, что он выздоровеет и уйдет.

Раньше одиночество было моим щитом. Я жила одна два года после смерти родителей и считала, что мне никто не нужен, ведь у меня был мой лес, мои звери и верный Зик. Но теперь всё изменилось. Рэй заполнил собой каждую щелочку в моей избушке и в моей душе. Его низкий смех, его огромные теплые руки, его шаги по утрам, чашка горячего чая, которую он молча протягивал мне после тяжелого дня — всё это стало для меня жизненно необходимым, как воздух. Я больше не хотела быть одна. Я хотела быть с ним. Каждое утро, видя, как легко он поднимает тяжелое ведро или как уверенно держит дубовую ветку на тренировках, я чувствовала, как внутри всё сжимается от боли. Его выздоровление, бывшее моей главной целью, теперь приближало момент нашей разлуки.

В один из таких вечеров, когда за окном завывал злой предзимний ветер, а по крыше шуршал редкий снег, мы сидели у ярко пылающего очага. Рэй по-прежнему спал на полу — он наотрез отказывался занимать мою узкую деревянную кровать, утверждая, что рыцарю не привыкать к суровым условиям, а на медвежьих шкурах ему мягче, чем на королевских перинах. Наша еда была простой — запеченная в золе картошка и горячий травяной взвар.

В избушке плыл полумрак. Я сидела на краю своей постели, поджав под себя ноги, и долго смотрела, как блики огня пляшут на суровом профиле Рэя. Он задумчиво перебирал пальцами ремешок на своих штанах.

Сердце колотилось в горле. Я до боли боялась получить ответ, но оставаться в неведении больше не могла.

— Рэй — тихо позвала я, и мой голос слегка дрогнул. — Ты уже почти совсем здоров. Рана затянулась, кости срослись. Что ты будешь делать, когда полностью восстановишь силы?

Я замерла, едва дыша, ловя каждое движение его лица.

Рэй долго молчал. Он не поднял головы, лишь его широкие плечи заметно напряглись, а челюсти сжались так, что на щеках проступили жесткие желваки. Огонь в камине треснул, выбросив сноп искр. Наконец, он глубоко, тяжело вздохнул и поднял на меня свои серо-стальные глаза. В них не было легкости — только ледяная, весомая решимость воина.

— Я должен вернуться, Астра, — негромко, но твердо произнес он, и от этих слов у меня внутри всё оборвалось. — Я не могу вечно прятаться в этой чаще, пока убийцы Альфреда правят моей страной и топчут его память. Мое имя смешали с грязью, меня называли цареубийцей и предателем. Я обязан очистить свое имя. И отомстить тем, кто поднес тот золотой кубок.

Он повернулся ко мне всем телом, и я увидела, как сильно он переживает. Ему самому, кажется, было тяжело говорить об этом.

— В столице у меня есть люди, — продолжил он, понизив голос. — Старые гвардейцы дяди Томаса, верные рыцари, которые знали меня мальчишкой. Они никогда не поверят в мою вину. Они поддержат меня и помогут докопаться до правды. Но сначала мне нужно тайком пробраться в город и связаться с ними.

Рэй горько усмехнулся, глядя на свои огромные ладони.

— Это будет чертовски непросто. По всему королевству наверняка разосланы указы с моим описанием. Я в розыске как самый опасный преступник короны. На каждом перекрестке стоят посты стражи, а за мою голову назначена награда. Любой городской житель сдаст меня инквизиции при первой же возможности. Но я должен рискнуть. Ради Альфреда. И ради себя.

Я слушала его, крепко сжимая пальцами край своего одеяла, чтобы он не заметил, как сильно трясутся мои руки. Мой суровый громила собирался вернуться прямо в пасть к волкам. В мир лжи, предательства и виселиц. Он собирался уйти туда, откуда я когда-то с трудом его вытаскивала.

После того тяжелого разговора о его планах время словно сжалилось над нами, подарив еще две недели абсолютной, звенящей идиллии. На Черный лес окончательно опустились первые настоящие заморозки. По утрам лужи у ручья затягивало хрустким, прозрачным льдом, а избушку то и дело припорошило пушистым белым снегом, который делал наш уединенный мир еще более закрытым от посторонних глаз.

В эти дни Рэй изменился. В его поведении появилось столько трепета и щемящей нежности, что у меня перехватывало дыхание. Он ловил каждый мой взгляд, предугадывал любое желание. Стоило мне поежиться от сквозняка, как на мои плечи тут же опускалась тяжелая, пахнущая костром и мехом шкуры. Он разговаривал со мной так тихо и мягко, словно я была самым хрупким и ценным цветком во всем его суровом рыцарском мире. Мы часами сидели у камина, он расспрашивал меня о лесных травах, слушал мои истории о родителях, а я смотрела на его руки и ловила себя на безумной мысли: я хочу, чтобы это никогда не заканчивалось. Мои страхи перед его уходом никуда не делись, они копились внутри тяжелым комком, но я отчаянно глушила их, пытаюсь надышаться этой внезапной любовью.

Мы поужинали, в очаге уютно пощелкивали дрова, заливая комнату мягким янтарным светом. Я стояла у стола спиной к комнате и мыла глиняные миски в глубокой лохани с горячей водой. Зик уже дремал на своей жердочке, засунув клюв под крыло. На душе было странно беспокойно — предчувствие скорой бури буквально витало в воздухе.

Я услышала его шаги. Рэй подошел бесшумно, несмотря на свои размеры. Его присутствие я ощутила кожей — от него исходила волна привычного, спасительного тепла.

В следующее мгновение его огромные, сильные ладони легли мне на плечи. Я замерла, опустив руки в мыльную воду, сердце пропустило удар. Рэй мягко, невероятно бережно развернул меня к себе. Мокрые ладони остались висеть вдоль тела, с пальцев капала вода, но я не могла пошевелиться, замороженная его взглядом. Его серо-стальные глаза сейчас горели таким темным, безумным и страстным огнем, что у меня подкосились колени.

— Астра... — выдохнул он, и его голос сорвался на хрип.

Он больше не сдерживался. Его рука скользнула по моей шее вверх, зарываясь пальцами в копну моих огненно-красных волос, притягивая меня к себе. Рэй наклонился и накрыл мои губы своими.

Этот поцелуй не был похож на то робкое утешение, что было, между нами, раньше. Это был взрыв. Страстный, глубокий, головокружительный поцелуй, в который он вложил всю свою сдерживаемую неделями бурю, весь свой страх потери, всю благодарность и вспыхнувшую любовь. Его губы, сначала требовательные и горячие, вдруг стали невероятно нежными. Мир вокруг меня просто перестал существовать. Лохань с водой, избушка, Черный лес — всё исчезло. Остался только он.

Вся моя защита, все мои глупые попытки отшучиваться и убеждать себя, что он мне не нравится, рухнули в одну секунду. С тихим, жалобным вздохом я подалась вперед, вжимаясь всем телом в его крепкую, рельефную грудь. Мои руки, всё еще влажные, взметнулись вверх и крепко обхватили его за широкую шею, пальцы переплелись в его коротких темных волосах. Я отвечала на его поцелуй с той же неистовой силой, отдавая ему себя без остатка. Мы целовались долго, отчаянно, ловя дыхание друг друга, словно пытались на всю жизнь вперед напиться этим моментом. Его вторая рука крепко, до боли, но так надежно обнимала меня за талию, прижимая к себе, будто он пытался влить меня в свое тело, защитить от всего мира.

Когда мы наконец отстранились друг от друга, наши лбы соприкоснулись. Мы оба тяжело и прерывисто дышали. Рэй не выпускал меня из объятий, его пальцы нежно гладили меня по щеке, стирая капельки пота.

— Я влюбился в тебя, моя звездочка, — тихо, но с такой сокрушительной искренностью произнес он, глядя мне прямо в душу. — С первой секунды, когда открыл глаза и увидел твое огненное чудо. Я так сильно дорожу тобой, Астра. Ты вернула меня к жизни, во всех смыслах.

Слезы счастья обожгли мои глаза. Я уткнулась лицом в его плечо, чувствуя себя самой защищенной и любимой девушкой на свете. Рэй осторожно подхватил меня на руки — легко, словно я ничего не весила, — и перенес на мою узкую деревянную кровать.

В ту ночь между нами не было физической близости. Всё было гораздо чище, глубже и романтичнее. Мы просто легли вместе на постель, укрывшись тяжелыми медвежьими шкурами. Рэй обнял меня со спины, притянув к своей горячей груди, а его большая ладонь переплелась с моими пальцами. Я засыпала под мерный, сильный стук его сердца и нежные поцелуи в шею, улыбаясь в темноту. Мои страхи отступили. В ту ночь я была абсолютно уверена: он любит меня. Он никуда не уйдет. Он останется со мной здесь, в нашем Черном лесу, и мы найдем способ быть счастливыми.

Утро встретило меня бледным, холодным светом рассвета и пронзительной, мертвой тишиной.

Я потянулась в постели, улыбаясь своим мыслям, и лениво протянула руку назад, ожидая наткнуться на привычное тепло его тела. Но пальцы коснулись лишь холодного, пустого меха.

Мои глаза распахнулись в ту же секунду. Сердце испуганно екнуло. Я резко села на кровати, оглядывая избушку. Рэя нигде не было. Его походная лежанка у камина была аккуратно свернута. На жердочке тревожно переминался с лапы на лапу Зик, глядя на меня своими умными черными глазами с глубокой птичьей грустью.

— Рэй?.. — позвала я, и мой голос сорвался на испуганный писк.

Никто не ответил. Лозы на окнах были приоткрыты, впуская в дом ледяной утренний воздух. Я вскочила с постели, босая, в одной ночной сорочке, подбежала к столу.

В самом центре, прижатый деревянной солонкой, лежал клочок чистой пергаментной бумаги. Мои пальцы затряслись так сильно, что я едва смогла развернуть его. На листке размашистым, твердым воинским почерком были выведены строчки:

«Астра, любовь моя. Прости меня за этот ночной побег, но уйти, глядя в твои прекрасные глаза, я бы просто не смог — у меня не хватило бы духа. Я бесконечно благодарен тебе за всё. За то, что спасла мою жизнь, за твою нежность, за то тепло, которое ты подарила моей измученной душе. Прошлая ночь была лучшей в моей жизни. Но я не могу остаться. Мой долг и память об Альфреде зовут меня назад, в этот ад. Я должен очистить свое имя, иначе я не буду достоин твоей любви. Если я выживу в этой бойне — клянусь, я обязательно вернусь к тебе, чего бы мне это ни стоило. Но будем честны: скорее всего, этого не случится. Против меня вся корона, и я иду на верную смерть. Моя огненная звездочка, не жди меня понапрасну. Живи, цвети и будь счастлива в своем прекрасном лесу. Прощай. Твой Рэй».

Бумага выскочила из моих онемевших пальцев и медленно упала на пол. Внутри меня всё обрушилось, превращаясь в ледяное, бездонное ничто. Воздух из легких словно выбили. Он ушел. Мой суровый громила, мой рыцарь, человек, которому я отдала свое сердце, ушел умирать, запретив мне даже надеяться на его возвращение.

Я опустилась на колени прямо посреди холодной комнаты, закрыла лицо руками и впервые за два года Черный лес содрогнулся от моего отчаянного, полного жгучей боли плача.

Глава 4. В пасти у зверя.

Рэй Брайтвуд уходил на рассвете, когда Черный лес окутал густой, похожий на парное молоко туман. Сделать этот шаг назад, в холодную утреннюю мглу, для него было тяжелее, чем когда-то в одиночку удерживать крепостные ворота против сотни врагов. На границе поляны он остановился. Взгляд серо-стальных глаз в последний раз скользнул по бревенчатым стенам избушки, почти полностью скрытой под тяжелыми, пожухлыми плетями дикого хмеля и плюща. Из трубы не шел дым. Астра спала. Спала на своей узкой деревянной кровати, где еще несколько часов назад они лежали вместе, переплетя пальцы.

«Если я выживу — я вернусь, клянусь небом, — думал он, поправляя воротник грубого плаща. — А если нет... пусть лучше она отплачет по мне один раз сейчас, чем инквизиция найдет её из-за меня».

Рыцарь решительно развернулся и зашагал на юг. Колючие ветки шиповника цеплялись за одежду, словно сам лес пытался удержать его, вернуть обратно к очагу. Но разум Рэя уже был холоден. Его мощное тело, исцеленное ведьминской магией, двигалось легко, хотя зажившие ребра всё еще слабо потягивало при резких выдохах. К полудню чаща поредела, уступая место унылым, открытым пейзажам пограничья.

Перед Рэем раскинулась Гнилая Лощина — Богом забытая деревушка. На фоне свинцового неба темнели покосившиеся соломенные крыши, пахло торфяным дымом, навозом и гнилой капустой. Жители — бледные, заморенные крестьяне — провожали огромного незнакомца настороженными взглядами. Рэй пониже натянул на глаза капюшон, скрывая волевой подбородок и густую щетину.

Ему нужно было снаряжение. В местной таверне «Хмельной боров», пахнувшей кислым элем и дешевым табаком, Рэй нашел полуслеплого трактирщика, который приторговывал контрабандой. Чтобы купить еду, коня и прочную одежду, рыцарю пришлось расстаться с последним, что связывало его с прошлой жизнью — тяжелым золотым перстнем с печатью рода Брайтвуд. Трактирщик жадно впился глазами в фамильное золото, не задавая лишних вопросов. Взамен Рэй получил крепкого серого мерина, дорожный плащ из грубого сукна, запас вяленой солонины и острый охотничий нож.

Еще три дня пути ушло на то, чтобы тайно добраться до столицы. В город он проник на закате, затерявшись среди телег торговцев сеном. Огромный каменный Окхейвен — сердце королевства — встретил его зловещим гулом. На высоких крепостных стенах полоскались черные траурные флаги по покойному королю Альфреду. На каждом перекрестке стояли глашатаи, выкрикивая имя Рэя и обещая за его голову гору золота. На стенах домов были расклеены листки с его наспех нарисованным портретом. Город дышал паранойей, стража шмонала каждого прохожего.

Рэй пробирался по темным, зловонным закоулкам Нижнего города к дому своего старого боевого товарища — Томаса Берга. Томас когда-то служил под началом дяди Рэя, сэра Томаса Брайтвуда, и был обязан этой семье всем. Его дом — крепкое двухэтажное деревянное строение — прятался на окраине ремесленного квартала.

Когда Томас открыл дверь и увидел в полумраке огромную фигуру Рэя, его лицо побелело. — Храни нас небо, Рэй... Ты жив, — выдохнул ветеран, поспешно затягивая его внутрь и запирая засов на три оборота.

Томас не поверил в официальную ложь. Они просидели три ночи напролет в тесной камерке на втором этаже, при свете единственной огарка свечи, подробно прорабатывая план. Томас рассказал, что в городе зреет глухое недовольство. Многие старые рыцари и гвардейцы, преданные Альфреду, не верили, что Брайтвуд мог поднести кубок с ядом. Они подозревали

герцога Болдуина и советника короны, которые сразу после смерти монарха прибрали власть к рукам.

План был опасным, но четким. Томас должен был тайно, один за другим, обойти верных командиров гарнизона. Рэй планировал собрать их в заброшенной часовне у старого кладбища через четыре дня. Там Брайтвуд собирался явиться перед ними лично, предъявить доказательства заговора Болдуина (о которых он знал еще до поездки) и поднять гвардию на штурм Цитадели, чтобы захватить узурпаторов и устроить честный суд. Рэй был полон решимости. Ради этого плана он заставлял себя спать на жестком полу каморки, подавляя мысль о том, что прямо сейчас Астра, возможно, плачет у камина в их лесу.

Но они совершенно не учли того, кто жил с Томасом под одной крышей. Год назад ветеран женился на молодой, тщеславной и хитрой женщине по имени Марта. Она была намного моложе мужа, обладала кричащей, вульгарной красотой — ярко накрашенные губы, цепкий, голодный взгляд и вечное недовольство тем, что ей приходится жить в бедности с престарелым гвардейцем. Появление в доме огромного, широкоплечего, окутанного опасной тайной рыцаря пробудило в ней порочный, лихорадочный интерес.

На второй день, когда Томас ушел на службу в городскую гвардию, Марта поднялась в каморку к Рэю. Она принесла ему кувшин свежего молока и хлеб, но уходить не торопилась. Наоборот, она медленно закрыла за собой дверь и, вызываяще покачивая бедрами, подошла слишком близко. На ней была легкая рубашка с глубоким вырезом, а с плеч нарочито небрежно соскользнула тонкая шаль.

— Тебе, должно быть, очень скучно и одиноко здесь, сэр Брайтвуд, — промурлыкала она, опустив ладонь на его широкое, рельефное плечо. Её пальцы с длинными ногтями бесстыдно поползли вниз, к его груди. — Мой муж стареет. Он пахнет казармой и старой кожей, он скучен в постели. А такой могучий мужчина, как ты, заслуживает большего, чем холодный матрас на чердаке. Я умею хранить секреты... если ты будешь ласков и щедр со мной.

Рэй почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Перед его глазами мгновенно встал чистый, хрупкий образ Астры. Её испуганные, но такие искренние темные глаза, её пунцовые щеки, когда он просто держал её за руку, её трепетный вздох во время их поцелуя... Сравнивать эту расчетливую, грязную похоть с его лесной ведьмой было кощунством.

Рэй резко, мертвой хваткой перехватил запястье Марты еще до того, как её пальцы скользнули под его рубашку. Он сжал её руку так, что женщина вскрикнула от боли, и грубо оттолкнул её от себя.

— Уходи, Марта, — ледяным, громовым шепотом, от которого задрожали стекла, произнес Рэй. Его серо-стальные глаза превратились в два куска льда. — Твой муж — мой брат по оружию. Он спас мне жизнь в трех кампаниях. Я скорее вырву себе сердце и скормлю его псам, чем предам его и прикоснусь к тебе. Пошла вон. И если ты еще раз подойдешь к этой двери, Томас узнает всё, до единого слова.

Лицо Марты мгновенно изменилось. Вульгарная улыбка исчезла, уступив место бешеной, уязвленной ярости. Её, первейшую красавицу квартала, отвергли ради каких-то рыцарских бредней о чести. Гордость женщины была растоптана и смешана с грязью. Она злобно прищурилась, тяжело задышала, но не произнесла ни слова. Резко развернувшись, Марта выскочила из каморки, громко хлопнув дверью.

Жажда мести и уязвленное самолюбие ослепили её. К тому же в её алчной голове мгновенно созрел новый план: за голову цареубийцы Болдуин обещал столько золота, что ей хватило бы уехать из этого захолустья и купить собственный особняк. Ночью, когда Томас крепко спал после тяжелой смены, Марта тихо накинула плащ, соскользнула из дома и направилась напрямик в Цитадель, к начальнику тайной стражи.

На рассвете тишину ремесленного квартала взорвал страшный грохот. Тяжелая дубовая дверь дома Томаса разлетелась в щепки под ударами кованого тарана инквизиции.

Рэй проснулся мгновенно, протянув руку за ножом, но комната на чердаке была ловушкой. Снизу уже доносились крики и звон стали — Томас, выскочивший в исподнем, отчаянно пытался сдерживать латников на лестнице, но его быстро смяли и забили рукоятями мечей. В каморку Рэя ворвалось сразу с десятков тяжеловооруженных гвардейцев. Они не пытались фехтовать — на огромного рыцаря просто набросили тяжелые железные сети с острыми крючьями, опутывая его по рукам и ногам. Рэй яростно рычал, рвал звенья голыми руками, раскидывая солдат как щепки, но удары тяжелых дубин обрушились на его голову, ломая затылок. Сознание померкло.

Когда его, закованного в тяжелые кандалы, выволакивали во двор, он на секунду пришел в себя. У ворот стояла Марта. Она прятала лицо в меховой воротник нового, дорогого плаща, но её змеиные глаза торжествующе поблескивали в утреннем тумане. Она получила свое золото.

Рэя бросили в самые глубокие, сырые подвалы Цитадели. Стены здесь были покрыты склизким черным мхом и запекшейся кровью тех, кто сидел здесь до него. Воздух был пропитан запахом гнили, экскрементов и ржавого железа.

Герцогу Болдуину нужно было официальное, подписанное признание Брайтвуда, чтобы перед народом оправдать будущую казнь первого рыцаря. И палачи взялись за дело с изощренной, звериной жестокостью.

Его пытали три дня подряд, без перерыва на сон и воду. Рэя подвешивали на дыбе за связанные за спиной руки. Его суставы с мерзким хрустом выходили из пазов, а едва затянувшиеся в лесу ребра лопались заново, причиняя дикую, пронзительную боль при каждом вздохе. Палачи приносили жаровни с раскаленными углями. Рэй кричал до хрипа, когда каленое железо с шипением въедалось в его накаченную грудь и бедра, оставляя страшные, дымящиеся багровые рубцы. Ему забивали иглы под ногти, ломали пальцы на руках тяжелыми молотками, выбивая зубы. Его левое плечо, так бережно зашитое Астрой крапивными нитями, снова разорвалось, и оттуда непрерывно сочился гной и кровь.

— Подпиши, Брайтвуд! Подпиши, что это ты отравил Альфреда! — кричал ему в лицо брызжащий слюной начальник тайной стражи. — Облегчи свои мучения! Ты всё равно сдохнешь!

Но Рэй каждый раз, когда сознание готово было погаснуть от болевого шока, упрямо сжимал разбитые в кровь губы. В своей голове, сквозь пелену адской боли и криков палачей, он бежал обратно. Бежал в Черный лес. Он мысленно возвращался в ту маленькую, пахнущую лавандой избушку. Он вспоминал, как Астра сидела над ним, нежно обтирая его лоб, как она злилась на него и как сладко замирала в его объятиях. Он вспоминал запах лаванды, тихий стук капель по крыше и то, как Астра нежно гладила его по голове, шепча: *«За черной полосой всегда идет белая»*. Её образ стал его внутренней крепостью, которую инквизиция не могла взять штурмом. Железный рыцарь не произнес ни единого слова и не назвал ни одного имени своих соратников.

Вчера вечером тяжелая железная дверь камеры со скрипом отворилась. Внутри зашел судейский глашатай в сопровождении пяти латников. Рэй лежал на гнилой, окровавленной соломе, его некогда могучее тело было превращено в сплошную массу из ожогов, рубцов и кровоточащих ран.

— Рэй Брайтвуд, бывший первый рыцарь, — зачитал глашатай, стараясь не смотреть на изувеченного гиганта. — За измену короне, заговор и трусливое убийство Его Величества короля Альфреда, верховным судом вынесен окончательный приговор. Казнь состоится через неделю, в следующее воскресенье, на Главной площади Окхейвена. Тебе отсекут голову, а тело будет сожжено, дабы стереть память о предателе. Да помилует небо твою грешную душу.

Дверь захлопнулась, погружая камеру в кромешную, гробовую тьму. Рэй остался один. У него оставалось ровно семь дней. Он знал, что Томас, скорее всего, казнен или сидит в сосед-

нем блоке, и спасения ждать не откуда. Силы покидали его, лихорадка снова начинала жечь тело. Но даже здесь, умирая в темноте, Рэй Брайтвуд не жалел, что ушел. Он лишь безмолвно молил лесных духов, чтобы его огненная звездочка Астра никогда, никогда не узнала, какая страшная участь постигла её рыцаря.

Рэй Брайтвуд потерял счет времени в этой удушливой, ледяной темноте подземелья. Он ориентировался лишь по отдаленному, глухому звону колокола Главного собора Окхейвена, который доносился сквозь узкую, забитую железной решеткой отдушину под самым потолком коридора. Семь дней. Ровно столько отмерил ему судья. И каждый из этих дней капал со свинцового потолка камеры ледяной грязной водой, отсчитывая последние мгновения его жизни.

Надежда, которая вела его сквозь битвы и помогала выживать в Черном лесу, угасла. Рэй лежал на гнилой соломе, не в силах даже повернуться на бок. Измученное пытками тело горело от лихорадки. Раздробленные пальцы левой руки отекали и потеряли чувствительность, а сорванные на дыбе плечевые суставы отзывались острой, пульсирующей болью при каждом вздохе. Его некогда могучие, накачанные мускулы, которыми он так гордился, сейчас казались ему бесполезным, израненным грузом. Он понимал, что Болдуин победил. Весь Окхейвен сейчас, должно быть, замер в ожидании показательной казни «предателя». Томас Берг, верный друг, скорее всего, уже был мертв, и спасать Брайтвуда было просто некому.

В своих мыслях Рэй постоянно возвращался в Черный лес. Это было его единственным спасением от безумия. В полубреду он чувствовал прохладу лесного мха, слышал ласковый шелест вековых дубов и видел, как Астра, его огненная звездочка, сердито хмурит бровки, заставляя его пить горький травяной отвар. Он вспоминал сладость её губ и тепло её тела на медвежьих шкурах в их последнюю ночь.

«Прости, что оставил тебя, маленькая ведьма, — беззвучно шептал он разбитыми губами в темноту. — Но я рад, что ты там. Далеко. В безопасности. За своей стеной из листьев и ишипов. Пусть этот грязный мир людей никогда не доберется до тебя».

На четвертый день его заточения тяжелый засов на железной двери со скрипом отодвинулся. Рэй с трудом приоткрыл опухшие веки. В коридоре вспыхнул яркий свет факела, ослепив его. Стражники не зашли внутрь — они лишь пропустили в камеру женщину, завернутую в дорогой темно-синий плащ с богатой куньей оторочкой, и снова захлопнули дверь, оставив ей маленькую масляную лампу.

Это была Марта. Она подобрала полы своего шелкового платья, чтобы не испачкать их о склизкую грязь пола, и остановилась в трех шагах от Рэя. На её лице не было раскаяния. Она выглядела торжествующей, уверенной в себе и пугающе умной. Женщина прекрасно понимала, какую партию она разыграла и как ловко перешагнула через судьбы мужчин ради собственного благополучия.

— Ну здравствуй, сэр Брайтвуд, — её голос прозвучал удивительно мягко, почти ласково, но в нем сквозила ледяная насмешка. — Глядя на тебя сейчас, трудно поверить, что еще неделю назад ты мнил себя защитником короны и читал мне лекции о рыцарской чести.

Рэй глухо хрипнул, попытавшись приподнять голову, но цепочка тяжелых кандалов натянула его шею к стене, заставив его со стоном опуститься обратно на солому.

— Зачем ты... пришла? — выдавил он из себя, сплевывая натекающую в рот кровь. — Полюбоваться на свою... работу?

— В том числе, — Марта изящно присела на деревянный табурет, который стражники оставили для допросов, и поставила лампу на пол. Свет выхватил её красивое, хищное лицо. — Ты ведь считал меня глупой мещанкой, Рэй? Думал, что я обычная вульгарная девка, которая польстилась на твои мышцы? Как же ты был слеп. Ты, со всей твоей хваленой мужской силой и мечами, оказался обычной пешкой в чужой игре. Вы с Томасом — два дурака, которые живут прошлым. Вы верили в какую-то верность покойному мальчишке-королю, строили

свои тайные планы на моем чердаке, шептались как заговорщики... И даже не думали, что мир давно изменился.

Она наклонилась вперед, и Рэй почувствовал дорогой запах роз и пудры, который казался чужеродным и удушливым в этой камере.

— Болдуин уже победил, Рэй. Сила теперь не у тех, кто машет железками на поле боя, а у тех, кто умеет слушать и выгодно продавать информацию. Ты отказал мне, попытался унижить своей праведностью. Но в итоге — где ты, а где я? Я получила кошель золота, на который смогу купить поместье в южных провинциях и навсегда уехать из этого вонючего города. А ты через три дня взойдешь на эшафот, и толпа, которую ты защищал при Кровавом Броду, будет улюлюкать и бросать в тебя гнилые овощи, когда палач поднимет твою отрубленную голову. Ты проиграл, рыцарь. Твоя честь стоит ровно столько, сколько гнилая солома под твоим телом.

Рэй смотрел на неё сквозь пелену лихорадки. Он не чувствовал к ней злости — только глубокую, бесконечную жалость. Марта действительно была умна той страшной, змеиной мудростью, которая правила Окхейвеном. Она идеально вписывалась в этот порочный город. Но она никогда не знала и не узнает, что такое настоящая, чистая преданность. Она никогда не дышала ароматом лаванды в избушке у камина.

— Ты получила свое... золото, Марта, — тихо ответил Рэй, и на его израненных губах появилась слабая, едва заметная усмешка. — Так уходи. Твой бог — монеты. Мой — честность перед самим собой. Мне не о чем... с тобой говорить.

Марта резко поднялась, её змеиные глаза на миг вспыхнули раздражением от того, что ей не удалось полностью сломать его дух даже перед лицом смерти.

— Наслаждайся своими последними днями, железный человек, — процедила она, накидывая капюшон плаща. — Посмотрим, как запоет твоя честность, когда топор коснется твоей шеи.

Она постучала в дверь, засов отодвинулся, и Марта исчезла, унося с собой свет лампы. Рэй снова погрузился в абсолютную, ледяную тьму подземелья.

Оставшиеся три дня превратились в сплошное мучительное ожидание и пытки. Граф не терял надежды выпытать признание в отравлении короля. Силы окончательно покидали его, раны на груди начали воспаляться от сырости, и Рэй понимал, что к моменту казни он едва сможет стоять на ногах. Он больше не молился богам людей. Он закрывал глаза и мысленно посылал свой последний вздох туда, к северным границам, где среди вековых сосен и дикого плюща жила его огненная ведьма. Он был готов умереть, зная, что его последняя тайна останется погребена в Черном лесу.

День казни встретил Окхейвен промозглым, мертвенно-серым рассветом. Холодный туман выползал из низин реки и окутывал каменные стены Цитадели, оседая каплями на тяжелых доспехах гвардейцев Болдуина. На Главной площади города было не протолкнуться. С раннего утра сюда стекались толпы горожан: торговцы из Нижнего города, прачки, ремесленники и нищие. Люди теснились, переругивались и толкались, стремясь занять место поближе к деревянному помосту, обтянутому черным сукном. Для них это было зрелищем, долгожданной потехой. Человек, которого еще месяц назад они превозносили как защитника короны, сегодня должен был пролить свою кровь на эти серые камни.

Тяжелая дубовая дверь подземелья распахнулась с протяжным железным скрежетом. Рэя не вели — его тащили волоком двое дюжих палачей в кожаных фартуках. Его ноги, безжалостно раздробленные тяжелыми молотами на допросах в последние дни, беспомощно волочились по грязному полу коридора. Каждое движение, каждый толчок отзывались в его измученном теле вспышками невыносимой боли. Его некогда роскошные доспехи давно отобрали, оставив лишь изодранную, пропитанную запекшейся кровью и гноем рубаху, сквозь дыры которой виднелись страшные багровые ожоги и рваные рубцы. От былого величия первого

рыцаря остался лишь колоссальный, израненный скелет и несокрушимый взгляд серо-стальных глаз.

Когда его вытащили на залитую бледным светом площадь, толпа взревела. Тысячи голосов слились в единый, оглушительный гул.

— Убийца! Цареубийца! Предатель! Руби голову! — летели со всех сторон яростные крики.

В него полетели гнилые овощи, комья грязи и тухлые яйца. Рэй не поднимал головы. Грязь стекала по его лицу, смешиваясь с потом, но он не чувствовал ни злости, ни обиды на этот слепой, обманутый народ. Наоборот, его мысли были удивительно прозрачными и легкими. Он смотрел на серые булыжники под собой и понимал, что этот земной ад для него почти закончился. Страх смерти ушел, уступив место полному, звенящему смирению.

«Всё кончено, Альфред, — беззвучно шевелились его разбитые губы. — Я иду к тебе, брат. Я не предал твою память и не назвал ни одного имени. Я сохранил честь».

Палачи с трудом втащили его по деревянным ступеням на помост. Рэй не мог стоять, поэтому его грубо бросили на колени прямо перед тяжелой плахой из темного дуба. Рядом высился палач с огромным, широким топором, лезвие которого зловеще поблескивало в утреннем тумане.

На балкон Цитадели, возвышающийся над площадью, вышел сам герцог Болдуин в богатых парчовых одеждах, окруженный личной гвардией.

Судейский глашатай развернул длинный пергаментный свиток. Его звонкий, надменный голос разнесся над притихшей площадью:

— Жители Окхейвена! Сегодня перед судом людей и неба предстал величайший изменник нашего времени — Рэй Брайтвуд! Ослепленный жадой власти, он коварно отравил нашего возлюбленного короля Альфреда, нарушив священную присягу! За это чудовищное злодеяние верховный суд приговорил его к отсечению головы и преданию тела огню!

Толпа снова взорвалась одобрителем гулом. Глашатай свернул свиток, повернулся к коленопреклоненному рыцарю и сделал шаг назад.

— Рэй Брайтвуд, по закону королевства тебе предоставляется последнее слово перед тем, как твоя душа предстанет перед высшим судом. Говори!

Рэй нашел в себе последние силы. Он медленно, преодолевая сопротивление сломанных шейных позвонков, поднял голову и посмотрел на небо. Ему нечего было сказать этим людям. На его окровавленных губах появилась слабая, едва заметная улыбка. Он мысленно прощался. С Альфредом, со своей прошлой жизнью и... с ней. С его огненной звездочкой, которая сейчас, верно, собирает поздние травы в своем Черном лесу.

Но едва он взглянул вверх, как его воинский взгляд подметил странное, пугающее изменение.

Высоко над Окхейвеном, прорезая серый туман, кружили птицы. Это были вороны. Их были сотни, тысячи. Огромная, черная, зловещая туча из пернатых хищников с диким, оглушительным карканьем кружила прямо над Главной площадью. Птицы вели себя неестественно яростно, словно празднуя чье-то скорое пришествие. И среди этого черного кружения Рэй вдруг заметил одного, самого крупного ворона, который на мгновение завис прямо над помостом и посмотрел на него умными, совершенно не птичьими глазами.

Зик.

В ту же секунду ледяной, шквалистый ветер ворвался на площадь, срывая траурные флаги со стен Цитадели. Он налетел внезапно, с такой яростной силой, что люди в толпе начали испуганно придерживать капюшоны и кутаться в плащи. Мертво-серый рассвет в мгновение ока сменился зловещей, непроглядной тьмой. С севера, со стороны Черного леса, на город с невиданной, пугающей скоростью надвигались тяжелые, иссиня-черные тучи. Небо словно раскололось пополам.

Где-то совсем близко, сотрясая каменные башни Окхейвена до самого основания, оглушительно и грозно рокотал первый раскат грома. Воздух мгновенно пропитался запахом озона, паленой травы и дикой, первозданной лесной магии. Ветер свистел всё громче, превращаясь в настоящую бурю, а тучи закручивались в гигантскую воронку прямо над эшафотом. Надвигалась страшная, неестественная для этого времени года гроза.

Рэй смотрел на это бушующее небо, и в его серо-стальных глазах, где еще мгновение назад царило смирение, вдруг вспыхнула безумная, отчаянная искра надежды. Он узнал этот ветер. Он узнал этот запах.

Глава 5. Ярость Черного леса.

Я сидела на коленях посреди ледяной, пустой комнаты, сжимая в дрожащих пальцах проклятый клочок пергамента. Его размашистый, твердый почерк расплывался перед моими глазами от нахлынувших слез.

«Не жди меня понапрасну... Прощай».

Весь этот день я провела в глухой, удушающей ярости. Я швыряла глиняные плошки в стену, наблюдая, как они разлетаются на осколки, топтала ногами сушеную лаванду, которая до сих пор пахла им, и кричала в пустоту избушки, срывая голос. Я проклинала его. Проклинала его дурацкую рыцарскую честь, его покойного короля Альфреда, из-за которого он бросил меня, и его самого — этого упрямого, неблагодарного городского громилу! Я искренне жалела, что вообще пошла тогда на запах крови к расколотому дубу. Жалела, что тратила магию, защищала его плечо, не спала ночами, обтирая его дурацкий потливый лоб!

— Чтобы ты провалился, Брайтвуд! — рыдала я, утыкаясь лицом в медвежью шкуру на кровати. — Уходи! Умирай на своей плахе, раз ты такой идиот! Мне плевать!

Но когда на лес опустилась глухая, морозная ночь, гнев испарился, оставив после себя лишь звенящую, черную тоску. Уснуть я так и не смогла. Каждая вещь в доме напоминала о нем: аккуратно подметенный пол, сложенные у очага дрова, которые он колол своими огромными руками. Я ворочалась на постели, кутаясь в одеяло, и перед глазами стоял его суровый профиль в полумраке камина и то, как нежно его пальцы зарывались в мои огненные волосы перед тем, как он поцеловал меня. Настоящая страсть не проходит за день. Я пыталась его понять. Вспомнила его слова о преданности, о растоптанном имени. Он просто не мог иначе. Он воин.

К рассвету я поняла, что сойду с ума, если не узнаю, где он. Я поднялась, подошла к жердочке и посмотрела в черные, умные глаза своего ворона.

— Зик, лети за ним, — тихо, саднящим от слез горлом попросила я. — Найди этого громилу. Проследи за ним. Я должна знать, что он жив.

Ворон издал глухой клекот, расправил мощные крылья и вылетел в открытое окно, растворяясь в сером утреннем тумане.

Потянулись долгие, изнурительные дни ожидания. Зик искал его почти неделю, прочесывая дороги и приграничные деревни. Всё это время я не находила себе места, бродила по лесу как тень, а магия внутри меня бурлила, словно запертый в пещере ураган. На седьмой день, ближе к полудню, я почувствовала резкий, болезненный толчок в сознании. Связь с вороном натянулась как струна. Зик нашел его.

Я упала на траву под вязом, закрыла глаза и полностью слилась с разумом своей птицы. Перед моими глазами вспыхнула панорама огромного каменного города Окхейвена — серая, уродливая цитадель из камня. Зик стремительно снижался, лавируя между высокими башнями, пока не опустился на узкий карниз у самого подножия крепостной стены. Там, в глубокой каменной нише, было крошечное окошко, забранное толстой ржавой решеткой. Ворон протиснулся между прутьями, заглядывая внутрь сырого, темного каземата.

И то, что я увидела его глазами, заставило меня закричать в реальности, впиваясь ногтями в сырую землю.

Это был Рэй. Но от моего сурового, могучего рыцаря почти ничего не осталось. Он висел на тяжелых цепях, прикованный к каменной стене подземелья. Его рельефный торс был превращен в сплошное кровавое месиво — палачи безжалостно жгли его каленым железом, оставляя страшные багровые рубцы. Вокруг него кружили двое мужчин в кожаных фартуках, и один из них с размаху ударил Рэя тяжелым молотом по ногам. Раздался мерзкий, отчетливый хруст костей. Рэй выгнулся дугой, его лицо исказилось от адской муки, но он лишь крепко сжал зубы,

не издав ни единого звука. Из его левого плеча, которое я так бережно зашивала крапивными нитями, снова сочилась гнилая кровь. Их допрос продолжался, от него требовали какую-то подпись, а он лишь презиравюще молчал, умирая в этой темноте.

Сознание вернулось в мое тело с такой силой, что я закашлялась. Мои глаза горели ведьминским, яростным пламенем. Они ломали его. Они убивали человека, который принадлежал мне, которого я вырвала из лап смерти! Внутри меня больше не было страха перед городами или инквизицией. Там осталась только первобытная, сокрушительная ярость.

— Вы заплатите за каждую каплю его крови, — прорычала я, поднимаясь на ноги.

План созрел мгновенно, хотя действовать нужно было прямо сейчас — Зик передал, что казнь назначена на воскресенье, на Главной площади. Но что могла сделать одна восемнадцатилетняя девчонка против целой армии гвардейцев? Ничего. Но я была не одна. У меня был Черный лес.

Я выбежала на поляну, раскинула руки в стороны и пустила свою магию на полную мощь, заставляя саму землю под моими ногами вибрировать. Я закричала, вкладывая в этот зов всю свою боль, отчаяние и ведьминскую власть:

— Лес! Твоё дитя просит о помощи! Все, кто слышит меня, все, кто предан этой чаще — ко мне! Нам нужно защитить своего!

Чаща ответила оглушительным, яростным ревом. Деревья заходили ходуном, а земля задрожала под тяжестью тысяч лап. Они откликнулись. Ломая кусты папоротника, на поляну выбежали семь огромных, матерых волков во главе с моим верным порванным ухом. Следом, тяжело ступая и ломая молодые березки, вышел колоссальный бурый медведь — хозяин этих мест, чьи когти могли вскрывать железные доспехи как яичную скорлупу. Из глубины чащи показалось целое стадо благородных оленей с тяжелыми, ветвистыми рогами. Небо над моей избушкой в мгновение ока потемнело от тысяч птиц — сорок, ворон, коршунов, совиных стай. Но самым жутким было шуршание под ногами: из всех нор, из-под каждого гнилого пня на поляну выплескивалось бесконечное, живое, серое море лесных мышей и полевок. Их были миллионы.

Я подбежала к вожаку волков. Огромный зверь послушно опустил на брюхо. Я перекинула ногу через его густой загривок, крепко вцепляясь пальцами в жесткую шерсть.

— В Окхейвен, — скомандовала я, указывая рукой на юг. — Быстрее ветра!

И эта безумная, дикая армия Черного леса сорвалась с места, лавиной двинувшись на цивилизацию людей.

Мы подошли к окраинам Окхейвена в воскресенье утром. На ходу я снова подключилась к зрению Зика, который кружил над Главной площадью. Моё сердце пропустило удар от ужаса: Рэй уже был на помосте. Его, изломанного, с перебитыми ногами, палачи грубо бросили на колени перед дубовой плахой. Судейский глашатай зачитывал приговор. Времени на то, чтобы просто прорваться сквозь ворота, не было — палач уже заносил свой огромный, широкий топор.

— Не успею... — в панике прошептала я, чувствуя, как адреналин ударил в голову. — Нет, я не отдам его!

Напрягая все свои силы, я вскинула руки к свинцовому небу, выплескивая всю ведьминскую ярость прямо в облака. Я вызвала такой шторм, какого эти края не видели за всю свою историю.

В одно мгновение мертво-серый рассвет сменился зловещей, иссиня-черной тьмой. Небо над Окхейвеном буквально раскололось пополам от оглушительного, громового раската, от которого задрожали каменные башни. С неба сплошной, глухой стеной повалил ледяной дождь вперемешку с крупным, острым градом. Шквалистый ветер налетел с такой яростной силой, что хлипкие деревянные постройки Нижнего города начали складываться как карточ-

ные домики, а с крыш богатых домов с мясом срывало черепицу. Огненные зигзаги молний били прямым в сторожевые башни и склады, мгновенно поджигая их, несмотря на ливень.

На площади началась дикая, первобытная паника. Люди с криками бросились враспынную, ища укрытия от гнева небес. Но едва они добежали до узких улочек, как им навстречу выплеснулся тот самый живой, серый ковер. Миллионы лесных крыс и мышей заполонили мостовые Окхейвена. Они катились сплошной волной, пищали, карабкались по ногам испуганных горожан, вызывая волны омерзения и безумного ужаса.

— Это кара божья! — истошно кричали в толпе, падая на колени прямо в грязь. — Это кара за страдания и муки рыцаря Брайтвуда! Небо гневается на нас!

На балконе Цитадели герцог Болдуин, испуганно прикрывая лицо краем парчового плаща от летящего града, поспешил скрыться внутри здания. Перед тем как захлопнуть дверь, он махнул рукой палачам на эшафоте, беззвучно приказывая: *«Кончайте с ним сейчас же!»*

Палач, шатаясь от ветра, крепче перехватил рукоять топора и замахнулся над шеей Рэя. Он не успел.

Семь огромных лесных волков во главе с вожаком серыми молниями взлетели на деревянный помост. Одним мощным прыжком вожак сбил палача с ног, его огромные клыки с хрустом сомкнулись на горле исполнителя. Второй палач попытался защищаться, но на него навалились остальные звери, буквально разрывая ублодков на части прямо на глазах у цепенеющей от ужаса стражи. Огромный медведь в это время громил ряды тяжеловооруженных латников у подножия эшафота, раскидывая их щиты как сухие щепки. Птицы тысячной тучей пикировали на гвардейцев, выклеывая им глаза и не давая прицелиться из арбалетов.

В этой кровавой, безумной суматохе, окутанной дымом пожаров и потоками ливня, я соскочила с волка и бросилась к привязанным неподалеку королевским коням. Стражники давно разбежались. Я подбежала к крупной, сильной вороной кобыле, которая дико ржала и билась в упряжи от страха перед хищниками. Я опустила ладонь на её мокрую морду, вливая в животное успокаивающую магию.

— Тише, хорошая моя, тише, — отчаянно шептала я, распутывая кожаные ремни. — Помоги мне. Нам нужно спасти его. Пожалуйста, вынеси нас отсюда!

Лошадь затихла, доверчиво ткнувшись носом в мою щеку. Я подвела её прямо к помосту, где на деревянных досках, залитых кровью палачей, лежал без чувств Рэй.

На чистом, сумасшедшем адреналине, не чувствуя собственного веса, я ухватила за его окровавленную рубаху. Мои ведьминские пальцы побелели от напряжения. Используя край помоста как рычаг и упираясь ногами в скользкое дерево, я дюйм за дюймом смогла затащить это огромное, массивное и неподъемное тело на спину лошади, укладывая его поперек седла. От резкой боли в переломанных ногах Рэй на секунду пришел в себя, издал глухой, задущенный стон и окончательно провалился в глубокое беспамятство, обмякнув в моих руках.

Я вскочила в седло позади него, крепко обхватив его огромный торс одной рукой, а второй сжимая поводья.

— Уходи! — закричала я кобыле.

Вороная лошадь рванула с места, перепрыгивая через тела поверженных стражников. Волки и птицы плотным кольцом прикрывали наш отход, сбивая с ног любого, кто пытался преградить нам путь. Мы пролетели сквозь разрушенные, объятые паникой городские ворота и на бешеной скорости устремились прочь от этого проклятого Окхейвена.

Я не повезла его обратно в нашу избушку — погоня, оправившись от шока, первым делом проверила бы Черный лес. Вместо этого я направила лошадь к Скалистым уступам, раскинувшимся на стыке двух графств. Это был дикий, суровый край, изобилующий глубокими ущельями и скрытыми пещерами, куда люди никогда не совали нос из-за страха перед обвалами. Наша лесная стая бежала следом.

Ближе к вечеру, когда силы лошади были уже на исходе, олени и лисы привели нас к подножию высокой, отвесной гранитной скалы. В самом низу, замаскированное густыми зарослями дикого терновника и папоротника, пряталось узкое отверстие — скрытая от любых глаз пещера.

С помощью волков я аккуратно стянула Рэя с лошади и затащила его внутрь этого каменного убежища. Пещера оказалась сухой и на удивление теплой. Звери тут же принялись помогать мне: олени бережно приносили в зубах охапки мягкой, сухой соломы и лесной травы, а лисы натаскали мох, помогая мне обустроить для раненого рыцаря новую лежанку. Некоторые самые сильные лекарственные корни и заживляющие мази я успела прихватить с собой из дома в сумочке на поясе перед выходом.

Я опустилась на колени перед постелью Рэя, тяжело дыша. Снаружи, за каменным сводом пещеры, всё еще бушевала вызванная мной гроза. Тяжелые капли ливня сплошной стеной падали на землю, надежно смывая наши следы, запахи крови и отпечатки копыт кобылы. Лес до конца прятал свою ведьму и её спасенного рыцаря.

Я применила остатки своей магии, заставив дикий плющ и колючие лозы терновника снаружи пещеры разрастись с невиданной силой, плотно затягивая вход живой, зеленой стеной. Теперь снаружи это место выглядело как монолитная скала.

Внутри пещеры воцарился тихий, защищенный полумрак. Я повернулась к Рэю, который лежал на соломе бледный, измученный, с изуродованными ногами и телом. На глазах моих снова закипели слезы, но теперь это были слезы облегчения. Я протянула руку, коснулась его разбитой щеки и тихо прошептала:

— Мой глупый рыцарь. Теперь я тебя никуда не отпущу.

Но едва волна адреналина утихла, уступив место суровой реальности, меня накрыл такой ужас, какого я не знала с самого детства. Внутри всё похолодело, а руки затряслись так сильно, что я едва могла развязать тесемки на своей дорожной сумке. Я посмотрела на Рэя, и у меня перехватило дыхание. Он казался мертвецом. Под его серыми, покрытыми пылью и запекшейся кровью веками залегли глубокие черные тени. Его могучая грудь вздымалась рвано, с жутким, свистящим хрипом, а из полуоткрытого рта при каждом выдохе вылетала кровавая пена.

— О боги, только не умирай, — шептала я, с трудом сдерживая рыдания. — Пожалуйста, Рэй, только не сейчас, когда мы сбежали.

Пещера вокруг нас жила своей, тихой жизнью. Мои лесные помощники не оставили меня. Огромная бурая медведица тихо легла у самого входа в пещеру, закрывая своим массивным телом каменный проем, чтобы защитить нас от пронизывающего лесного сквозняка. Сверху, на выступе скалы, тихо застрекотал Зик — он чистил свои перья, но его черные глаза не сводили взгляда с израненного рыцаря. Мелкие лисы и зайцы то и дело шныряли наружу сквозь незаметные щели, принося в зубах новые охапки сухой, ароматной хвои и лесного мха. Стадо оленей осталось караулить снаружи скалы, готовое в любой момент предупредить о приближении людей. Но вся эта поддержка не могла уменьшить груз, давивший на мои плечи: его жизнь висела на тончайшей нити, и эта нить была в моих руках.

Я принялась за работу, понимая, что у меня нет права на усталость. Первым делом я достала костяной нож и аккуратно, чтобы не причинить ему еще большей боли, разрешила остатки его пропитанной гноем рубахи. Когда ткань обнажила его торс, я в ужасе прижала ладонь к губам. Накачанная грудь Рэя была покрыта жуткими черными ожогами от каленого железа, кожа на ребрах посинела и вздулась. Его левое плечо, где крапивные швы были грубо вырваны палачами, представляло собой глубокую, воспаленную рану, из которой сочилась дурно пахнущая сукровица.

Но самым страшным были его ноги. Палачи раздробили кости голеней тяжелыми молотами. Когда я осторожно коснулась его щиколотки, под моими пальцами мерзко и мягко хруст-

нули костные обломки. Рэй даже в беспамятстве резко выгнулся, из его горла вырвался задущенный, полный нечеловеческой муки стон, а по лбу градом покатился крупный пот.

— Тише, мой хороший, тише, — со слезами на глазах умоляла я, мягко удерживая его за плечи и прижимая к соломе. — Я здесь, я с тобой.

Я бросилась к небольшому углублению в камне пещеры, где скапливалась чистейшая родниковая вода, сочившаяся сквозь гранитный свод. Достала деревянную плешку, которую успела схватить из дома, и бросила туда горсть сушеной коры дуба, корня девясила и дикой ромашки. Мои ладони легли на края миски, и я закрыла глаза, пуская по венам свою магию. Я просила воду стать сильнее, просила вобрать в себя всю исцеляющую мощь земли, всю стойкость вековых деревьев. Вода в плошке тихо забурилась, окрашиваясь в глубокий золотистый цвет и испуская густой, пахучий пар.

Я вернулась к Рэю и начала осторожно промывать его раны. Каждый раз, когда тряпица, смоченная в кипящем отваре, касалась его сожженной кожи, он вздрагивал всем своим огромным телом. Мне было невыносимо больно видеть его таким — изломанным, униженным этими жестокими городскими тварями. Моя ведьминская гордость испарилась, уступив место чистой, жертвенной любви целительницы.

После того как торс был обработан и туго стянут чистыми холщовыми бинтами, наступил самый сложный этап. Кости его ног нужно было сопоставить вручную, иначе он навсегда остался бы калекой.

— Рэй, прости меня, — прошептала я, чувствуя, как слезы застилают обзор. — Тебе нужно перетерпеть это.

Я набрала в ладони мазь из окопника и живицы, глубоко вздохнула и крепко обхватила его сломанную голень. Напрягая все свои силы и вливая магию роста костей прямо сквозь свои пальцы, я начала медленно, дюйм за дюймом, вытягивать и выпрямлять его ногу, возвращая раздробленные костные обломки на их законные места. Рэй мгновенно пришел в себя от этой вспышки дикой боли. Его серо-стальные глаза распахнулись, в них плескалось безумие и бред лихорадки. Он не узнавал меня. Огромные, изуродованные пальцы его правой руки судорожно взметнулись вверх и намертво сомкнулись на моем плече, впиваясь в кожу до крови. Он перепутал меня со своими палачами.

— Назад! — хрипел он, его голос срывался на утробный рык, а по шее вздулись толстые вены. — Назад, Болдуин, сучий потрох! Ты не получишь... подпись! Я не предаю... Альфред! Держись, брат! Они идут... Назад!

Его железная хватка едва не сломала мне ключицу, но я даже не попыталась вырваться. Я терпела эту боль, продолжая удерживать его ногу и направлять потоки своей зеленой, согревающей энергии в его разорванные мышцы и сломанные кости.

Начались трое суток сплошного ада. Я почти не спала и не ела. Всё мое время было посвящено борьбе за его жизнь. Лихорадка сжигала рыцаря изнутри: он метался по соломе, срывал повязки, кричал в бреду, звал своего дядю Томаса, покойного короля Альфреда и... меня.

— Астра... — шептал он в редкие минуты затишья, и в его хриплом голосе было столько тоски, что мое сердце разрывалось на части. — Зачем... зачем ты пришла на площадь? Беги... они убьют тебя... Огненная моя... беги...

Я сидела над ним на коленях, чувствуя, как от усталости у меня подкашиваются ноги, а в глазах поочередно темнеет. Моя магия была истощена штормом и сложным лечением, внутри меня осталась лишь звенящая пустота. Руки ныли, спина затекла так, что я едва могла разогнуться. Но я не позволяла себе показать слабость. Каждый раз, когда он начинал метаться, я упрямо прижимала прохладную мокрую ткань к его пылающему лбу, бережно вливая ему в рот по капле противолихорадочный отвар из ивовой коры и тихо напевала старые лесные заговоры моей матушки.

Я сидела над ним на коленях, чувствуя, как от усталости у меня подкашиваются ноги, а в глазах поочередно темнеет. Моя магия была истощена штормом и сложным лечением, внутри меня осталась лишь звенящая пустота. Руки ныли, спина затекла так, что я едва могла разогнуться. Но я не позволяла себе показать слабость. Каждый раз, когда он начинал метаться, я упрямо прижимала прохладную мокрую ткань к его пылающему лбу, бережно вливала ему в рот по капле противолихорадочный отвар из ивовой коры и тихо напевала старые лесные заговоры моей матушки.

Животные видели мою крайнюю усталость. Мой верный порванный ух — вожак волков — периодически подходил ко мне, мягко тыкался мокрым носом в мою ладонь и ложился рядом, позволяя мне опереться спиной на его теплый, пушистый бок, чтобы я могла передохнуть хотя бы несколько минут. Медведица у входа тихо ворчала, словно отгоняя от пещеры саму смерть. Зик то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.